

18+

ЭЛЬШАН ТАРИВЕРДИЕВ

Из мрака с любовью

Эльшан Таривердиев
Из мрака с любовью

«Издательские решения»

Таривердиев Э.

Из мрака с любовью / Э. Таривердиев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511697-0

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Напрочь забытая семейная история. Не осталось ни участников, ни свидетелей повествующих событий. Известен был только финал. Основные события с позволения потомков семьи N являются вымыслом автора. События происходят в дореволюционном Баку.

ISBN 978-5-00-511697-0

© Таривердиев Э.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Большие окна дома Атабековых	7
Часть 2	15
Платный свет в дуكانе Агарагима	15
Часть 3	22
Руки, тронувшие сердце	22
Часть 4	28
Не отводя глаз...	28
Часть 5	34
Ханская комната в ханском дворце	34
Часть 6	39
Правила деспота	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Из мрака с любовью

Эльшан Таривердиев

© Эльшан Таривердиев, 2020

ISBN 978-5-0051-1697-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Фатиме Р, посещается.

Большие окна дома Атабековых

Баку, начало XX века, где-то за крепостной стеной...

Сдвинув краешек оконной занавеси, Хумай настороженно осматривала улицу – девушке было важно, чтобы прохожие не заметили ее и не помешали совершить задуманное. Утро на узкой улочке в крепостной части Баку, как обычно, было оживленное, однако, кроме продавца льдом, Хумай не заметила никого. Высота дома, с которого наблюдала девушка, позволяла оставаться незамеченной.

«Ну что ж, будем меняться, – подумала Хумай и, сдвинув занавесь, полностью подставила обнаженные руки под еще мягкие лучи летнего солнца. – Только надо это сделать быстро, пока мама не вошла».

Высокая стройная девушка, одетая в европейское платье, с большим воодушевлением ожидала быстрого появления загара на своей нежной коже.

На стуле рядом лежала раскрытая книга в голубом переплете на французском языке. Девушка рассматривала ее страницы, словно следовала неким инструкциям.

«В книге у них и плечи открыты, – продолжала рассуждать про себя юная особа. – А как же быть мне?» Девушка отошла от окна и приблизилась вплотную к балконной двери. Руки продолжали ловить лучи солнечного света. Освободив от ворота длинную шею, Хумай пыталась выдвинуться еще ближе к солнцу. Еще шаг, и она оказалась бы на балконе...

Неожиданно с улицы послышались бранные слова, сопровождаемые цокотом копыт, – бранился то ли извозчик, то ли наездник. В следующее мгновение в гостиную вошла мать Хумай, Солмаз. Девушка резко прибрала руки, но рукава остались открытыми.

– Хумай! Что ты делаешь?! – возмутилась высокая статная женщина.

– Ничего постыдного, ана (мама. – **Прим. авт.**), просто холодно стало рукам, вот и решила погреть.

Солмаз, раздосадованная поведением дочери, подошла к балконной двери и настороженно осмотрела улицу.

– И это в мае месяце тебе стало холодно? А если кто с улицы заметит твои оголенные руки, что люди подумают о твоём отце и брате? Ты людей наших не знаешь, тут же разнесут молву по городу, что дочь Исрафил бека распутная – привлекает внимание мужчин, показывая неприкрытые руки. Хоть твой отец и считается в городе человеком передовых взглядов, но такого поведения он не потерпит!

Взгляд Солмаз упал на открытую книгу.

– Ты такое из книги вычитала? – с подозрением спросила дама. – Это в ней такое бесстыдство предлагают совершать? Жаль, я не знаю французского, а то быстро разобралась бы, чему «хорошему» тебя эти книги учат.

– Нет, мама, в этой книге все пристойно, – оправдывалась молодая девушка. На мгновение она застыла, не сводя игривых глаз с матери, как вдруг, распахнув объятия, девушка ринулась к родному человеку. – Ты не представляешь, какая это занимательная книга! В Париже такая интересная жизнь, и люди такие приветливые, а женщины – открыты и образованны.

Солмаз остановила непрерывную тираду восхищения дочери строгим взглядом и произнесла безапелляционным тоном:

– Во всем виноват твой отец, многое тебе позволяет, совсем не думает, какие мысли и планы в твоей голове роятся. Я расскажу ему о твоём странном поведении.

– Нет, мама, пожалей, не делай этого, мне так интересно читать про их заграничную жизнь...

Хумай решительно усадила мать на стул и продолжила оправдываться:

– Мама, я без ума от этих французских женщин, представляешь, они добровольно отправляются на Восток учить бедных арабских детей. Представляешь, как они им благодарны? Разве может быть большее счастье, чем благодарность маленьких детей?

– Хумай, дочь, ты еще ребенок и посему наивна, – возразила Солмаз. – Это всего лишь книга, написанная писателем. Жизнь на самом деле не проста, этим женщинам на чужбине совсем не сладко. Это Восток, и он порою очень опасен и непредсказуем, и мужчины там с женщинами обращаются очень сурово и даже резко. Ты полагаешь, что все мужчины похожи на твоего отца и брата – благородные и добрые? Увы, ты жизнь еще плохо знаешь, любой там способен девушку обидеть – настолько они неотесанные.

– Мама, я и с такими людьми могу договориться, знания мне помогут, они просто малокультурные.

Наивные мысли и блеск уверенности в глазах Хумай насторожил Солмаз.

– Дочь, выбрось из головы подобные мысли. Ты не понимаешь, что красивая, молодая девушка, для мужчин твоя красота – как гашиш, они теряют голову и способны потерять рассудок, а тут уж недалеко до подлого деяния!

Девушка сникла, слова матери о недобрых деяниях напугали ее, хотя под ними она понимала только лишь неприличное поведение в обществе. Впрочем, то, что мать все-таки отдала дань ее красоте, отвели темные мысли и вызвали на лице девушки стеснительную и одновременно гордую полуулыбку.

– Ты находишь меня красивой? – не поднимая глаза, спросила Хумай.

– Очень! Родная моя, да об этом все говорят! – ласково сказала Солмаз, восхищаясь дочерью, и погладила ее волнистые волосы.

– Кто говорит? Мне интересно! – оживилась Хумай.

– Ты знаешь, почему твой отец построил в доме собственную баню? Да потому, что я не могла спокойно смотреть, как некоторые женщины, когда мы еще посещали городскую баню, завистливо рассматривали тебя. Как только я рассказала об этом твоему отцу, он в считанные дни построил роскошную баню в нашем доме. Он тебя очень любит и даже к женским взглядам безумно ревнив.

– Мама! – воскликнула Хумай. – Они такие же женщины, как мы?

– Они-то женщины, но завистливее женщин на свете больше никого нет. Иногда так и хочется обвесить тебя камнями от сглаза и порчи. Посмотри, какие у тебя руки, и не только...

Солмаз сдвинула шелковые рукава одежды дочери и нежно погладила белые, на ощупь, словно бархат, кисти дочери.

– А пальцев нежнее и тоньше я еще не видела. – Солмаз поднесла пальчики дочери к губам. – Отец тобою очень гордится.

– Почему только мною? – удивленно произнесла Хумай. – У меня и брат, Горхмаз, красивый и умный.

– Он – мужчина, для твоего отца Горхмаз – «ноги и руки», а ты дочь – его «корона». Это то сокровище, за которое мужчины могут убить даже самого льва.

– Нет, мама, не надо убивать льва! Это прекрасное животное, равно как все живое на земле. – она крепко сжала руки матери, по щеке девушки скатилась слеза...

Солмаз обняла дочь.

– Какая ты у меня ранимая и жалеешь все и всех, меня это твое качество очень пугает, боюсь, этим кто-нибудь воспользуется.

Хумай, уложив голову на колени матери, мечтательно смотрела в окно, наблюдая за легким движением занавеси, за которой скрывалась панорама крыш внутреннего города Баку и громадное зеркало Бакинской бухты.

– Ана (мама. – **Прим. авт.**), какая ты была в мои годы? – заглянув в лицо матери, мечтательно спросила дочь. – Не наивной, а смелой, как сейчас? Может, и мне стоит измениться? Могу попробовать, если ты хочешь.

– Будь такой, какая ты есть, – нежно ответила мать дочери. – Другой ни я, ни отец тебя не представляем...

– Мама, расскажи мне, как вы отцом встретились? Хотя знаю, скажешь: «Хумай, сколько можно пересказывать нашу встречу!» Но мне ваша история очень нравится, слушаю ее как сказку.

Услышав желание дочери, Солмаз рассмеялась:

– Ты у меня большой, но все еще ребенок. Ну хорошо, слушай. Я его увидела у нас в саду, из окна, пряталась за занавесью и наблюдала. Он пришел к моему отцу по делам. В тот же миг поняла, что влюбилась, от волнения перестала есть. И потом каждый раз, прогуливаясь по саду, чувствовала его присутствие, взор... Позже твой отец признался, что неотрывно следовал за мной – прятался за деревьями – и очень боялся напугать меня. Потом пришла беда, ты знаешь, какая – землетрясение. Уже после нашей свадьбы он рассказал мне, что за день до толчков почувствовал, что мой семье грозит опасность. Когда наш дом рухнул, мне не повезло больше всех – моя комната находилась под самой крышей. На момент обвала дома, под утро, я спала, крыша упала и придавила меня к кровати, нечем стало дышать, в легких совсем не осталось воздуха... Помню, как у меня потемнело в глазах, я стала терять сознание.

– И тут появился мой отец! – восторженно воскликнула Хумай.

– Да. Он пришел вместе со светом и первыми глотками воздуха – мрак отступил. В лучах утреннего солнца твой отец выглядел сказочным пахлеваном (рыцарем. – **Прим. авт.**). Он в одиночку поднял край крыши, и мой отец с братьями вызволили меня из-под обломков. Мой отец, то есть твой дед, потом всем рассказывал, что, когда разбирали рухнувшую крышу, пятеро крепких мужчин не смогли сдвинуть обломок крыши, которая придавила мою кровать.

Солмаз взгрустнула, вероятно, вспомнив печальные события.

– Ана (мама. – **Прим. авт.**), если не хочешь – больше можешь не рассказывать, – виновато проговорила Хумай. – Не надо больше грустных воспоминаний, мне и этих достаточно, главное, что вы в конце концов все живы и здоровы.

– Здоровы, благодаря твоему отцу и его родственникам, именно они взяли меня, раненую, выхаживать к себе в дом.

– Где был тогда мой отец? – взволновано спросила Хумай. – Он был рядом?

– И нет, и да. Меня обихаживали его родственницы. Мужчинам нельзя было приходиться ко мне – кроме моего отца. Твой отец взбирался на дерево, растущее рядом с домом, и, укрывшись листвой дерева, наблюдал за мной и днем, и ночью. Когда после месяца лечения твой отец попросил моей руки у моего отца, тот ему ответил: «Я дал свое согласие задолго до того, как ты, Исрафил, решился на этот шаг. Каждый отец рад был бы такому зятю. Ты спас мою дочь от гибели, а нас, родителей, – от большого горя. Теперь она твоя по праву».

Неожиданно с шумом распахнулась дверь гостиной, и в залу уверенным шагом вошел хозяин дома – Исрафил бек Атабеков. Массивный, с длинными ногами, мужчина шествовал по паркету в высоких, со сплошной шнуровкой сапогах Ее Величества королевы Англии.

– Ата! – позабыв о душевном разговоре с матерью, Хумай с визгом бросилась к отцу.

Солмаз, покачав головой, сделала дочери замечание:

– Хумай, так нехорошо – надо быть сдержанной, ты уже взрослая.

– Брось, жена, не останавливай ее, – заступился за дочь Исрафил бей. – Отца позволено так встречать, мы с тобой не святоши какие-нибудь персидские, пусть показывает свою любовь к родным. – глава семьи улыбнулся и провел рукой по пышным усам. – Мне было бы приятно,

если и ты, жена, таким образом меня встречала... – глаза отца семейства светились любовью – он по-прежнему боготворил свою жену.

Солмаз подчинилась желанию мужа, подошла и так же нежно, как дочь, обняла мужа.

Держа в объятиях двух самых родных ему людей, Исафил бей счастливо вздохнул.

– Да посмотрите, что я приобрел в порту у одного деляги! – учтиво отступив от жены и дочери, Исафил бек энергично указал на свои ноги. – Настоящие сапоги из телячьей кожи, а какие удобные за счет высокой шнуровки!

Хумай расхохоталась:

– Отец, ты прости, но о такой обуви я читала во французских книгах, такие носят дамы в Париже.

– Опять ты про Париж! – строго сделала ей замечание Солмаз и покачала головой.

– Солмаз, что не так с Парижем? – вмешался отец семейства.

– Много говорит о городе, где немало свободы и всякого такого... – бросив строгий взгляд на мужа, Солмаз желала показать свое недовольство увлечением дочери. – А все ты, Исафил! Нанял ей преподавателя французского, теперь она всех нас и нашу жизнь сравнивает с жизнью французов.

– Напрасно ты так строга к ней и ко мне, – отбивался от жены Исафил. – Пусть увидит, каков мир за этими крепостными стенами, пусть будет образованна и мечтательна. Она же моя звездочка на ночном небосводе, она – над всем миром, пусть интересуется всем.

– Почему на ночном? – испугано возразила Солмаз. – Все, что угодно, только ничего ночного и мрачного.

– Кстати, о ночном небе... – Исафил бек обратился к дочери. – Не беспокойся, я о твоей просьбе не забыл, ищу эту штуку по всему Баку.

– Что еще надумала, Хумай? Сегодня от тебя одни сюрпризы! – насторожилась Солмаз.

– Это наш с отцом секрет, – Хумай медленно подошла к отцу и прижалась к его груди.

– Секреты? От меня?.. – мать строго посмотрела на дочь. – Как это понимать?

– Так уж и быть, посвящу, – дабы разрядить ситуацию, Атабеков признался первым. – Хочу купить дочери одну забавную вещицу – телескопом называется. С его помощью звезды изучают. Полезное занятие.

– И этот каприз – оттуда?.. – женщина строго посмотрела в сторону стула, на котором лежала раскрытая книга.

Хумай кивнула головой и тут же спрятала лицо на груди отца.

– Хумай! – Солмаз повысила голос. – Когда прекратятся эти причуды? Ты желаешь получить то, что вычитываешь в этих книгах, мне это совсем не нравится!..

– И вовсе не в книгах я такое увидела, – виновато ответила Хумай. – У Цемахов дома, в перерывах между занятием французским, господин Цемах показал мне прибор, объяснил, что такое телескоп и как им пользоваться.

– Ай, душа моя, ну что ты на самом деле... – пытаюсь урезонить жену, вмешался Исафил бек. – Что в этом непристойного? У твоей дочери желание развиваться – звезды изучать. В будущем обрадует нас тем, что станет астрономом. Было бы хорошо, если бы вы вместе занялись этим... И тебе, жена, было бы полезным такое занятие!

– Вот этого вы от меня не дождетесь, – возмутилась Солмаз на слова мужа. – Исафил, как ты себе представляешь нашу дочь в темноте, на крыше дома, разглядывающую ночное небо? Люди скажут, что она сумасшедшая!

– Меньше всего меня беспокоит, что эти темные люди скажут, – возмутился Атабеков. – Они сами, кроме того, как молиться на крышах, ничего больше не знают и не желают знать, их даже не заботит, под каким созвездием они молятся!

Хумай от радости забила в ладоши и воскликнула:

– Ой, отец, какой ты у меня умный! Давай вместе изучать звезды! И я даю тебе честное слово, что обязательно стану астроном!

Юная особа по-детски забила в ладоши и, позабыв о строгости матери, бросилась ее обнимать.

– Какая же ты, Хумай, еще дитя, – Солмаз улыбнулась и сдалась – сменила строгость на ласку.

– Так, кто-нибудь заметит, в чем я, отметит, как они хороши? – Исафил бей принялся топтаться на месте, пытаясь показать, как сапоги повторяют движения его ног и как ему комфортно в сапогах английского офицера.

– Дорогой, твой кавказский костюм как-то не вяжется с твоей обувью, – разглядывая мужа первой, отозвался Солмаз. – Так у нас в городе не ходят, эта обувь напоминает женскую. Засмеют тебя, особенно если ты ступишь на промыслах в нефтяную лужу.

– Я же говорила, в Париже такую обувь носят дамы и девушки из богатых семей, – Хумай подбежала к отцу и опустила на колени. – Отец, таким женщинам обувь надевать помогают служанки. Я готова тебе шнуровать их хоть каждый день!

Исафил бек поднял дочку с колен и уверенно произнес:

– Ни перед каким мужчиной не становись на колени, ни при каких обстоятельствах! Женщины нашего рода всегда были гордыми и независимыми. Ее будущему мужу не повезло, – улыбаясь, Исафил бек подмигнул жене. – Ох, как долго буду испытывать, пока не докажет, что любит тебя и будет заботиться о тебе.

С лестничного пролета донесся звонкий сильный голос – мужчина общался с работниками дома.

А вскоре в гостиную ворвался, словно порыв ветра, молодой человек среднего роста, крепкого телосложения и пылкими глазами, выдающими в нем лидера: быть всегда и всюду первым. Это был Горхмаз, сын Атабековых и брат Хумай.

Молодой человек в первую очередь подошел к Солмаз, обняв мать, нежно поцеловал ее.

Хумай, не дожидаясь желанья брата приветствовать сестру, сама первая устремилась в его объятия.

– Здравствуй гезаль (красавица. – **Прим. авт.**), как поживаешь? – нежно похлопав сестру по спине, спросил Горхмаз.

Широко улыбнувшись, она ответила:

– Братец, как я рада тебя видеть!

Отца Горхмаз поприветствовал по-мужски – крепко пожал ему руку. Вдобавок Исафил бек являлся главой нефтедобывающей компании, в которой Горхмаз работал управляющим.

– Как дела на промыслах? – требовательно поинтересовался отец.

– Паровой двигатель не работает, нефть наружу тянуть нечем.

– Инженер что говорит? – озадаченно спросил Исафил бек.

– То же самое, что всегда: устарело оборудование, паровые двигатели – пережиток прошлого, пусть отец вкладывается в покупку электродвигателей и покупает насосы, есть такие – в Германии продают.

– Ему легко говорить, деньги-то не его... Если электродвигатели предлагает, значит, к электричеству подключаться придется. Нобели по цене три шкуры сдирают за подключения к сети, они ведь единственные в Баку, кто электроэнергию вырабатывают. Представляю, сколько денег запросят! И как, и где насосы найдем?

Разговор мужчин семейства с гордостью и любовью сопровождался улыбкой Солмаз, она радовалась деловитости сына и мудрости мужа, который позволил еще не совсем искушенного в нефтяных делах сына принять серьезные решения.

– Мама, я бы поел! – неожиданно объявил младший Атабеков.

Быстрым движением глаз он перевел взгляд на сестру. Солмаз поняла, что Хумай должна их покинуть, что речь пойдет о ней.

– Хумай, дочка, сходи на кухню и попроси работниц накрывать на стол – будем обедать.

Девушка улыбнулась брату и закивала головой. Его неожиданное решение пообедать выдало желание семьи поговорить о ней, но без ее присутствия. Мягко ступая по толстому ковру гостиной, Хумай вышла из залы.

– Мамедхан завтра на пароходе прибывает из Астрахани, – полушепотом, опасаясь, что сестра его услышит, произнес Горхмаз. – Буду встречать, повезу его в дом отца.

Солмаз слегка смущенно посмотрела на мужа, тот опустил глаза и потер лоб.

– Вы что, не рады этой вести? Сами же говорили о желании поскорей выдать замуж Хумай? – удивленно спросил сын родителей. – Вот вам неплохая партия, он из ханского рода, Апшерон им принадлежал.

– То-то и оно, что из ханского рода, – не без иронии выдал глава семейства. – Полагаю, все они со своими претензиями к настоящему и будущему: мол, не мы растеряли королевство, нас заставили сдать русским. Знаю, я эти ханские разговоры!

– Дорогой, ты против этого парня? – спросила Солмаз, удивленная словами мужа. – Ты же на днях сам радовался, что парень – знатного рода и голубых кровей, учится в Петербурге на горного инженера.

– Вот именно – в Петербурге, – резко ответил Атабеков-старший. – Не знаю я его, потому что далеко находится и ничего о нем не разузнать. И еще – в таком городе, где одни развлечения... Не знаю, что у него на уме. Ханских кровей, говорите... Мне это ни о чем не говорит, вельможи – всего лишь из прошлого... Где эти ханы сегодня? Кто где! Сдали царство – и разбежались по углам, теперь мы собственную землю у русского царя покупаем.

– Исафил, будет тебе, – успокаивающим тоном произнесла Солмаз. – Оставим политику, давай решим, как поступить: принимать Мамедхана или не придавать его визиту значения.

– Почему ты торопишься так рано выдать нашу дочь замуж? – требовательно спросил жену Исафил. – Хумай еще не готова стать чей-то женой, она еще ребенок, ее могут обидеть.

– У твоей дочери ветер в голове гуляет, она читает французские романы и хочет посвящать себя людям – учить, лечить их безвозмездно, – Солмаз иронично улыбнулась мужу и развела руками. – Она считает, что это ее миссия, наша дочь очень еще наивная.

– Вот и учи ее быть не наивной, – ловко отреагировал Атабеков. – Если честно, я еще не готов быть с дочерью на расстоянии, должен видеть, как она живет. Вот такой я отец.

– Ей уже восемнадцать. – для убедительности Солмаз спокойно произнесла возраст дочери. – Она и моя дочь, и я лучше знаю, когда девушку надо занять другими мыслями.

– Я еще не готов доверить свою дочь никому, – так же спокойно ответил жене Исафил. – Пусть придет этот ханский отпрыск, дальше будет видно, я хочу понять, что он за человек.

Солмаз мило улыбнулась мужу и со словами «Вы пока поскучайте без нас, скоро позову обедать» вышла из гостиной.

Оставшись наедине с сыном, глава семейства наказал сыну:

– Горхмаз, мать твоя торопится выдать сестру замуж, сама не ведая того, что порою пришлые мужчины ищут тепленькие места в домах будущих жен, особенно бывшие ханские сынки, которые не привыкли думать о том, что и как достается простым людям, и не только простым людям, многие из них самолюбцы и транжиры.

– Нет-нет, отец, – возразил Горхмаз. – Мамедхан – достойный человек, и в Петербурге он живет только на казенное жалование.

– Он сам это утверждает? – спросил Атабеков-старший и иронично улыбнулся. – Молод ты еще, сынок, раз веришь ханским словам. Он что – сын сапожника? И кроме башмачной своего отца никакой другой жизни не знает? Он привык к веселой светской жизни, все короли и ханы так живут.

Горхмаз задумчиво слушал отца, улавливал каждое его слово, отец для него являлся непререкаемым авторитетом.

– Хорошо, ата (отец. – **Прим. авт.**), я буду начеку, хотя давно его знаю как брата моего хорошего друга.

– Сын, – тяжело выдохнув, начал старший Атабеков. – Братья тоже бывают разные, как и все люди бывают разные. Никогда не рекомендую человека, пока лично не изучишь. – создав смысловую паузу, Исафил бей приблизился к сыну и продолжил: – Горхмаз, у меня одна дочь, и второй такой, как моя Хумай, нет и больше не будет, я так это чувствую и понимаю. Если ее кто-нибудь обидит, я не пощажу хоть молодого, хоть старого обидчика. Присматривай за сестрой – вот тебе мой наказ!

– Отец, к нам стучатся, – Горхмаз взглядом указал на дверь гостиной.

– Это моя красавица дочь и твоя драгоценная сестра. Иди к нам, родная, – Атабеков-старший поднялся, чтобы поприветствовать дочь.

Хумай, мило улыбаясь, вошла в гостиную.

– Подойди, дай тебя обнять, – Исафил бей обнял дочь и нежно погладил по спине. – Зачем стучишься, для тебя в этом доме нет закрытых дверей, как не закрыты для тебя сердца каждого из нас – твоих близких.

– Знаю, отец, и я вас всех люблю, и ничего дороже моей семьи у меня на свете нет, – девушка, как всегда, нежно приложила лицо к груди отца. – Только мне чуть-чуть обидно, когда вы от меня что-то скрываете, – не глядя отцу в глаза, еле слышно произнесла Хумай.

– Глупости, какие... – Исафил бей, шутя, возмутился. – В моей семье между родными людьми секретов нет и быть не может. Какая же мы тогда родня? Горхмаз, посвяти сестру в нашу затею, точнее, в затею вашей мамы. Я еще своего согласия не дал и дам лишь только после решения моей дочери-красавицы.

Хумай удивилась, ожидая от брата скорейших объяснений.

– Поболтайте, но недолго, мы с мамой ждем вас в столовой. – Исафил бей направился к выходу и уже от двери обратился к сыну: – Не забывай, сынок, о нашем разговоре.

– Замуж решили меня выдать?! – подбоченясь, Хумай шутя изобразила скандальную особу. – А меня не хотите спросить – надо мне это или нет?

Горхмаз, дивясь пронительности сестры, на мгновение растерялся, попытался было начать разговор, однако сестра опередила его вопросом:

– А кто он, мой жених? Мне интересно.

– Будь скромней, сестрица, не рань мое мужское достоинство. – Горхмаз строго насупил брови. – При мне не проявляй любопытство по поводу чужих мужчин.

Осадив сестру, Атабеков-младший, посадив Хумай на мягкую кушетку гостиной, сел рядом.

– Никто тебя не торопит, – мягким голосом начал разговор Горхмаз. – Не принимай пока мой разговор всерьез. Просто есть человек, который хочет с тобой познакомиться.

– Как его зовут? – девушка проявила нетерпимость, выказывая нескромность.

– Хумай! Мы договорились: быть скромней, – Горхмаз неодобрительно покачал головой. – Хорошо, что отца нашего нет рядом.

Хумай покорно уложила руки на колени и словно послушный ребенок ожидала продолжения разговора со старшим братом.

– Его зовут Мамедханом, – неуверенно произнес Атабеков-младший.

Хумай сморщила лицо.

– Имя старое. Он старик?

– Нет, с чего ты взяла? – удивился вопросу сестры брат.

– Такие имена я встречала во французских романах, когда описывались восточные мужчины, – от собственных слов девушка рассмеялась, но, заметив строгое лицо брата, вновь стала серьезной.

– Хумай, будь серьезнее, прошу тебя, – брат постарался образумить сестру.

– Мамедхан – молодой, видный образованный мужчина, кстати, неплохо знает три европейских языка, в том числе французский, есть о чем с ним поговорить.

– Он высокий? Плечи у него широкие? – девушку интересовало все то, что интересует любую юную особу.

– Ты невыносима, Хумай! – Горхмаз резко поднялся на ноги, но справился с негодованием. – Я свое дело сделал – посвятил тебя в тайну, которую ты хотела знать, остальное пусть с тобой мама обсуждает. Только очень тебя прошу, будь серьезна, когда наш гость посетит нас. Кстати, у Мамедхана плечи шире, чем мои, и ростом он выше нашего отца. Надеюсь, я удовлетворил твое любопытство?

Хумай с любовью улыбнулась брату и ответила:

– Какой бы он ни был, для меня никогда не будет лучше мужчин, чем ты и отец.

Горхмаз помог сестре подняться с кушетки и, обняв ее, произнес в ответ:

– Никогда не дам тебя в обиду никому – хоть хану, хоть самому царю! Пойдем, родители ждут.

За обедом Хумай выглядела растерянной и задумчивой, временами улыбалась невпопад, подолгу возилась с едой.

Солмаз, заметив состояние дочери, склонилась к супругу и тихо спросила:

– Вы ей уже объявили, кто к нам в гости придет?

Атабеков-старший тут же бросил взгляд на дочь и, задумавшись, ответил жене:

– Думаю, Горхмаз намекнул ей, хотя я с ним договорился не сообщать сестре все подробности.

– Я с ней поговорю, – решительно заявила Солмаз. – Не нравится мне ее состояние!

– Не обижай только мою дочь, – Исрафил бей горделиво посмотрел на свое чадо. – Это же естественно в ее годы – она впала в грезы...

– Она и моя дочь! – заступилась за себя Солмаз. – Как девушкам себя вести – удел матерей.

Часть 2

Платный свет в дуكانе Агарагима

В длинном, как туннель, дуكانе (магазин. – **Прим. авт.**) не было окон. Наличие маленькой витрины не было достаточным для полного освещения всего помещения. С задачей освещения «справлялись» две большие керосиновые лампы. Вдоль стен этого торгового туннеля были установлены в два, а где – и в три яруса полки с товарами различного назначения. В помещении сильно пахло специями и пряностями. В конце торгового заведения спиной к входу сидел занятый чтением молодой парень. Однако спина молодого человека говорила об обратном; позвоночник вырисовывался, словно зигзаг, ребра отчетливо просматривались под белой рубахой, на голове была надета тюбетейка белого цвета, вместо набедренного ремня он был подпоясан веревкой, обычно используемой для увязки мучных мешков.

Сгорбившись над книгой, парень, раскачивая свое тело, в ритм выговаривал фразы на арабском языке. Судя по монотонному наговору, молодой человек был увлечен чтением религиозной литературы.

В дуكان вошел посетитель. Молодой человек поспешил к покупателю. Торопясь к клиенту на худых кривых ногах, он с трудом выдавил на своем лице натянутую улыбку.

– Рад служить вам, что изволите? – тонким голосом спросил работник дукана.

Посетитель бросил беглый взгляд на продавца и, ничего не ответив, направился к выходу.

– Подонок! – громко выразился парень, однозначно желая, чтобы мужчина услышал оскорбление в свой адрес. – На него посмотрите, даже слово в ответ не пожелал сказать, как будто меня здесь нет!

Внезапно вызванный гнев сдвинул широкие брови молодого человека к переносице крючковатого носа. Редкие усы не смогли скрыть напряжение сжатых губ.

– Хосров! – парня назвали по имени. – Зачем так сквернословить, люди на улице могут слышать, стыдно, никто после твоих слов в наш магазин заходить не захочет.

На другом конце дукана за прилавком стояла женщина, вероятно, вошедшая в магазин со служебного входа.

– Ну и пусть, раз не хотят меня замечать, и что им во мне не нравится? – обиженно заявил молодой человек, направившись к прилавку.

– Сынок, на что ты злишься? – женщина приблизилась к парню и попыталась погладить его по лицу.

– Не надо, ана (мама. – **Прим. авт.**), ни к чему это... – Хосров решительно отстранил руку матери и хотел было пройти к своей книге, как вдруг обратил внимание на ее оголившуюся руку. – Что с твоей рукой? Почему она опять в синяках?

Хосрову захотелось рассмотреть руку матери вблизи, однако женщина резким движением спрятала ее в рукав одежды.

– Не надо, все в порядке, просто ушиблась, – оправдывалась женщина.

– Это не ушиб, мама, это – опять... – Хосров не успел договорить.

– Не надо тебе вмешиваться, сынок, мы с твоим отцом сами разберемся, – мать отвела грустные глаза в сторону.

Хосров не унимался, продолжил допытываться:

– Зачем он тебя бьет и почему – по рукам? Отчего обижает? – сын еще раз попытался разглядеть руки матери, но она в очередной раз этого не позволила. – Разве не видит, какие они у тебя красивые?

– Именно, что понимает, и поэтому с ними такое вытворяет, – тяжело вздохнув, отметила женщина.

– Чем он тебя бьет?

– Ты разве не знаешь, чем? – сердито спросила женщина. – Последний раз ты сам помогал ему наказывать меня, я помню, как ты держал меня за ноги.

Хосров бросился к матери и, опустившись на колени, обнял ее ноги.

– Прости, он меня заставил это сделать, говорил, что мужчинам женщины не должны перечить, и, если однажды мужчина уступит женщине, то на него самого надо надеть женское платье. Грозился и на меня надеть, если я не буду удерживать твои ноги.

Хосров заплакал и принялся через одежду целовать материнские ноги.

– Не плачь, родной мой мальчик, я тебя понимаю, – нежно поглаживая голову сына, мать пыталась успокоить его. – Он – твой отец, и его слово не только для тебя, но и для меня закон, у нас такое общество – женщина хуже бездомной собаки... Будь такое общество проклято! Была бы у меня родня в Баку, забрала бы тебя и ушла.

В эмоциональном порыве Хосров подхватил руки матери и стал жадно их целовать. Женщина со страхом наблюдала за его нежностями.

– Мама, я очень люблю твои руки! – Хосров не унимался, не переставая, целовал руки и вдруг, рассмотрев их внимательнее, воскликнул: – Это не синяки, это же...

Парень не успел высказать мысль – в дуكان, волоча увесистый мешок, вошел молодой работник магазина, Аббас. Заметив приватную сцену матери с сыном, мужчина быстро опустил глаза, тем самым показывая, что он никого не замечает.

– Здравствуйте, Парвана ханум (уважительное обращение к женщине. – **Прим. авт.**), рад вас видеть. Не знал, что вы здесь.

Аббас, стесняясь, улыбнулся.

Парвана не ответила, лишь еле заметно кивнула головой.

– Не подскажите, наш хозяин в магазине? – не отрывая глаз от Парваны, спросил работник.

– Да! Мой отец тут, с нами! – опередив мать, громко произнес Хосров, желая перевести взгляд Аббаса с матери на себя. – А тебе, если что надо от моего отца, можешь спросить у меня, – добавив жесткости в голос, Хосров даже не попытался скрыть своего возмущения, будучи недовольным тем, как Аббас смотрит на его мать.

– Просто хотел понять, куда тащить мешок – в амбар или его оставить в магазине, – виновато оправдывался работник.

Отряхнув руки от пыльного мешка, Аббас вышел из магазина на улицу.

– Зачем ты с ним так... – расстроено спросила сына Парвана.

– Почему он на тебя так смотрит... – Хосров обиженно покосился на мать. – Отцу это не понравится.

– А как он смотрит? И что ты видишь в его взгляде? – Парвана заметила в лице сына ревность.

– Плохо... Грязно... Отец за такое тебя может наказать, а его – убить, – зло буркнул в ответ Хосров.

– Убить?! – с иронией переспросила Парвана. – Ну конечно, может... Знает ведь, что за меня некому заступится...

– А я разве тебе не защитник? – насупившись, спросил сын мать.

Парвана улыбнулась, но тут же погасила на лице улыбку; пропало и желание говорить на эту тему.

Почувствовав, что мать не забыла старую обиду – ведь он когда-то помогал отцу наказать ее, – Хосров резко отстранился от нее и буркнул себе под нос:

– Не хочешь помощи, тогда сама за себя заступайся!

– Хочешь заступиться? Тогда смотри! – Парвана резко выбросила перед собой руки, обнажив запястья. – Полюбуйся, что твой отец каждый раз со мной вытворяет! – от воспоминаний женщину передернуло.

Увидев материнские руки, Хосров впал в оцепенение, ему от волнения не хватало воздуха.

– Это укусы? – выдавил из себя парень, нахмутив брови. – Зачем он это делает? Он же может просто ударить, а не кусать, у тебя же такие красивые руки...

Волнения сына были необъяснимыми и странными, его заботили только руки матери, но никак не ее поруганная душа и оскорбленное достоинство.

– Ты не можешь меня защитить, ведь ты, как и я, зависишь от него. Меня он попрекает хлебом с первого дня моего замужества, тебя – с раннего детства, с того дня, как ты осознал, что такое обида.

– Он же верующий, как он смеет! Я напугаю его именем Бога, – с этими словами Хосров взял в руки богословскую книгу и выставил перед собой, словно пытался кого-то остановить.

Парвана усмехнулась:

– Сколько раз я от имени Бога обращалась к нему... Даже имя Господа его не остановило!

– Слово не остановит, остановлю руками, – Хосров вытянул руки и сжал перед матерью свои кулаки.

– Кого хочет остановить мой сын? – голос отца умерил боевой пыл Хосрова, он тут же спрятал руки за спину и покорно опустил голову. От образа смелого парня не осталось и следа.

За прилавком появился хозяин дукана и отец семейства Агарагим.

Мужчина был невысокого роста, с покатыми плечами и длинными руками, несоразмерными его телосложению.

– Так, кому нужна помощь и кого надобно остановить?! – Агарагим повторил свой вопрос, но уже более требовательно. – Парвана! Может быть, тебе нужна помощь? – муж вплотную приблизился к жене. – Разве тебя здесь кто-то обижает, или ты голодаешь, или ходишь голая? – при слове «голая» Агарагим приподнял заросшие брови, на его лице появилась многозначительная улыбка, и, начиная раздражаться, он прошипел: – Хотел бы знать, чем ты дуришь голову моему сыну? Замышляешь подлость за моей спиной? Давно тебя не наказывали? Так я быстро тебе это устрою, не правда ли, сынок? – Агарагим посмотрел на сына и ехидно ему подмигнул.

Это было настолько унижительно, что Парвана интуитивно отшатнулась от человека, который намеревался расправиться с ней руками их общего ребенка. И не пожелала заглянуть в глаза сына, дабы не прочитать в них страх и трусость. А ведь он, ее частица, должен был бы по определению быть единственной опорой матери и ее последней надеждой на защиту от посягательств мужа.

– Здравствуйте, хозяин! Куда нести одежду? – на пороге магазина, навьюченный двумя большими тюками, стоял Аббас.

Недовольный тем, что Аббас произвольно прервал семейный разговор, Агарагим жестом позвал работника к себе:

– Неси сюда, посмотрим, что за очередной хлам ты принес.

Аббас судорожно, оглядываясь на хозяина, принялся развязывать тюки.

– Это что за гадость ты принес? Одежда хотя бы стирания?! – вороша своей тростью старые, вероятно, ношенные вещи, – надменно спросил хозяин. – Сколько раз можно тебе повторять: не бери слишком старые вещи. Посмотри, на некоторых есть рваные места, кто их купит?

– Хозяин, их можно починить, – виновато отреагировал Аббас. – Я слышал, что Парвана ханум неплохо шьет.

Агарагим после предложения работника вытянулся стружкой, и следующее его движение показало, насколько это предложение было дельным. Со всего размаху хозяин обрушил трость о спину несчастного работника.

– Ах, сын собаки, ты что себе позволяешь говорить о моей жене?! Предлагаешь в чужом грязном белье копошиться, а потом со мной за одним столом сидеть и в одной постели спать? Ты такое своей матери предложи!

Бранясь, Агарагим накручивал себя, самообладание было на исходе. Мужчина был близок в желании ударить Аббаса второй раз, но взнесенная рука застыла у него над головой.

– Откуда тебе известно, как моя жена шьет? – трость в руках разгневанного хозяина не переставала сжиматься с предельной силой.

– Видел вышивку на рубашках Хосрова, – прикрываясь рукой и находясь почти на корточках, завопил униженный Аббас. – Спросил, кто тебе такое пошил, ваш сын ответил, что его мать, мол, хорошо шьет.

– Было такое? – как на допросе, спросил Агарагим у сына.

Хосров, не отрывая глаз от трости отца, часто-часто, как дятел, закивал головой и приподнял ворот белой рубашки – тот был искусно расшит гранатовым бисером.

Агарагим подошел к сыну и потер рукою ворот рубашки.

– Надо же... Для меня ты такую красоту не создаешь... Да, ты – талант, получается, твои руки годны не только для... – на лице мужчины появилась та самая улыбка, которая была известна только Парване.

Улыбка начал медленно угасать на лице хозяина, лицо постепенно наливалось злобой, ненавистный семье человек явно что-то замыслил...

– Твоя взяла! Хорошая идея, молодец, Аббас, – похвалив униженного работника и похлопав его по плечу, Агарагим подошел к жене. – С сегодняшнего дня будешь на одежде штопать дырки.

– Тебе не хватает денег от продажи нормальных товаров, ты еще намереваешься старые вещи людям продавать? Думаю, среди вещей есть и ворованные... – хладнокровно глядя прямо в лицо мужа, вымолвила Парвин. – Плохо ты о людях думаешь! Хотя... тебе на них наплевать.

– Смотри, женщина, не переходи черту, как ты со мной разговариваешь?! – в следующее мгновение Агарагим занес руку, крепко сжимающую трость, над головой Парваны.

Женщина проявила выдержку, ни разу не моргнув глазами.

– Хозяин! – вдруг вскрикнул Аббас и взглядом указал на сильно побледневшего Хосрова.

Парень судорожно трясся, по лбу скатывались капельки холодного пота и, перед тем как упасть, он произнес:

– Ана (мама. – **Прим. авт.**), помоги...

Первым к Хосрову подбежал работник Аббас и не позволил парню удариться головой о пол магазина.

Подоспевшая к сыну Парвана подхватила голову сына и заплакала. Ее залитые слезами глаза стали настолько свирепыми, что взгляд буквально испепелял мужа.

Агарагим явно был растерян и шокирован поведением сына. Став как будто еще уже в плечах, он тихо выдавил из себя:

– Аббас, помоги хозяйке увести моего сыночка в постель.

Затем бросил жене в спину, процедив сквозь зубы:

– С тобой мы ночью поговорим, ночью ты более сговорчивая!

Парвана и Аббас, удерживая Хосрова под руки, переступили порог служебного входа, и тут услышали новый вопль Агарагима:

– Кто добавил керосина в лампу? Сколько раз нужно говорить: если в магазине нет клиента, нечего освещать попросту помещение!

Спустя некоторое время Аббас с жилой части дома Агарагима вернулся в торговый зал.

– Ну, что с этим слабонервным? – смеиваясь, справился о сыне отец. – Сколько не учи, толка нет – весь в мать, слизняк!

– Все наладится, хозяин, Хосров в порядке, пришел в себя, у парня вся жизнь впереди, научится еще жизни, – после ободряющих пожеланий Аббас по-свойски сел рядом с хозяином.

– Встань и иди в зал торговать, – бросив строгий взгляд на работника, Агарагим движением головы указал в сторону торговых рядов. – И вот еще что... – остановил он вдруг Аббаса. – Откуда взялись вещи, кто их принес?

– Логман с пристани, сегодня подвез, – насторожившись, ответил Аббас.

– Парвана права, что некоторые вещи ворованы? – снова строго спросил он у перепуганного парня.

– Клянусь Аллахом, не знаю, хозяин, не думаю, Логман – набожный человек, – сцепив руки перед собою, Аббас скорчил несчастное лицо.

– Ну да, он так же чист перед Всевышним, как и ты, – Агарагим рассмеялся и хлопнул себя по колену. – Вы два мошенника, только ты поматерее будешь, Логман Сибирь не видел, а ты с нее бежал...

Аббас привстал и опустил плечи, парня обуял неожиданный ужас, он оцепенел.

– Как вы узнали? – промямлил ошарашенный беглый каторжник.

– Дружки тебя выдали – те, что из Тбилиси приехали. Кому ты задолжал, приходили ко мне, шантажировали, что жандармам тебя выдадут и меня в придачу как укрывателя беглого каторжника.

Хозяин дукана внутренне ликовав, что владеет ситуацией и волей своего работника, волен делать с этим человеком многие вещи, например нарушить договоренность.

– С сегодняшнего дня ты будешь получать на один императорский рубль меньше.

Аббас от неожиданного решения хозяина попятился назад и побледнел.

– А что, ты думал, как мне от городского тебя отбивать, если кто донесет на тебя? – Агарагим надел на лицо маску серьезности и закивал головой для пущей убедительности. – Ты хоть понимаешь, какое одолжение я сделал для тебя, когда, рискуя, нанял на работу?

– Так целый рубль хотите недодать, – пребывая в шоке от несправедливого решения хозяина, замямлил подавленный Аббас. – Я же получаю всего пять императорских рублей...

Агарагим театрально развел руками, «сочувственно» закивал головой и добавил:

– Рад бы... Но ничем помочь не могу!

Аббас опустил на корточки и обхватил руками голову.

– Да ладно тебе так убиваться, – вор-хозяин принялся успокаивать ограбленного работника. – Зачем тебе деньги? Жены нет, детей нет, дома своего нет, родителей давно позабыл... Так зачем тебе деньги? И разве у меня плохо? Спать есть где, жена моя тебя кормит, поит, чего тебе еще надо? Живи – не хочу...

– Хозяин! Хотя бы пятьдесят копеек забирайте, – взмолился Аббас. – Я же молод, мне жениться уже пора, дом в деревне строить надо.

– Да кто за тебя, такого, дочь свою выдаст? Ты же беглый каторжник, – жестоко выдал Агарагим. – Кстати, давно хочу тебя спросить: за какие же «подвиги» ты в Сибирь угодил?

– Полицейского избил, – подавленно ответил парень.

– Ух ты, какой дерзкий! Мне что ж, теперь тебя остерегаться? Ты и меня можешь избить, раз ты способен поднять руку на полицейского? – самонадеянно пошутил Агарагим. – А за что ты побил этого несчастного служивого?

– За деньги, – тихо, но уже более твердым голосом произнес Аббас.

Агарагим насторожился.

– За деньги? Ты что – на него работал?

– Нет, он у моей семьи скотину купил и захотел денег недодать, – Аббас медленно убрал руки с головы и, поднявшись во весь рост, стал пристально всматриваться в глаза хозяина, словно пытался что-то молча внушить мужчине.

– Ты зачем на меня так смотришь? – настороженно спросил Агарагим. – К чему эти твои взгляды, – хозяин дукана поднялся на ноги. – Ты что там себе надумал? Я теперь должен тебя бояться? И к чему ты про свои «подвиги» мне заливаешь? – в следующую секунду Агарагим схватился за свою трость и ринулся на работника.

Аббас попытался вести себя хладнокровно, почти что смело, рассчитывая на то, что хозяина остановит его выдержка, но когда взнесенная трость стала стремительно опускаться на голову деревенского парня, он дал деру в сторону выхода из магазина.

В последний момент Агарагим умудрился каким-то образом заслать свою тяжелую трость, как стрелу, в спину убегающего Аббаса.

– Вай, мама! – крикнул пораженный Аббас и вывалился на улицу.

– Ах ты, сын шакала! Проходимец! – кричал хозяин вслед бегущему по улице работнику. – Чтоб сегодня же твоей ноги в моем доме не было! Ты меня решил запугивать?! Еще не нашелся на земле человек, кто мог бы меня запугать! Щенок, на него посмотрите!.. Ничего-ничего, Аббас, я не буду собою, если тебя обратно в... – Агарагим буквально «поймал» себя за язык, он чуть было прилюдно не выдал тайну беглого каторжника и свою оплошность, когда польстился на предложение Аббаса наняться на работу в магазин за любые деньги.

Вернувшись в магазин, Агарагим вдруг осознал, что в порт за товаром теперь ехать некому – Аббас прогнан, и доставка товаров встала.

– Черт тебя побрал, Аббас, никчемный ты человек! – вслух выругался хозяин дукана и опустился на стул за прилавком.

– Отец, прости меня, пожалуйста, – услышал он вдруг за спиной голос сына.

Агарагим от неожиданности вздрогнул. Оказывается, Хосров бесшумно зашел отцу за спину и занял позу виновного во всех грехах человека.

– Ах, это ты? – безрадостно отозвался отец на приход сына. – Ведь знаешь, в чем твоя вина, поэтому пришел, совесть мучает. Запомни: ты во всем должен поддерживать отца. Отец во всем прав! Знаешь, почему? Потому что я – мужчина! Мужчины двигают жизнь, они зарабатывают деньги и кормят семью, не женщины, эти только под ногами путаются и кусаются, как змеи, стоит только на них наступить.

Хосров покорно кивал головой и временами заглядывал в глаза отцу, чтобы понять, как тот к нему относится. Хосрову это всегда было важно, он всегда чувствовал связь с отцом, насколько бы эта связь ни была губительна для парня.

– Послушай, сынок, тебе придется съездить в порт, – плавно перешел от нравоучений к делам Агарагим. – Товар с Табриза надобно привезти в магазин.

– А что приключилось с Аббасом? – спросил Хосров, поглядывая по сторонам в поисках работника.

– Прогнал я его! – жестко заявил мужчина и сплюнул. – Босьяк он, из рода босьяков. Ты поедешь, и вообще, пора тебе к делам магазина приобщаться, хватит книги почитать, от них никакого толку. Что есть в тебе – то есть, лучше у отца учись! Я у своего учился, как видишь, не дурак...

Агарагим нагнулся к железному сундуку, который располагался для надежности под прилавком, и, погремев ключами, извлек из него царские купюры – довольно большие по размеру.

– Сынок, найдешь в порту парня по имени Логман и вручишь ему эти деньги, остальное – не твое дело, он сам погрузит товар и разместит его. С этим парнем больше никаких дел, кроме нашего, не имей – он такой же выродок, что и Аббас, любого с пути собьет, шельма!

Хосров бессознательно кивал головой и крепко сжимал в руках свою любимую богословскую книгу.

– Держи деньги, не потеряй, – отец протянул аккуратно сложенные в квадрат николаевские бумажные рубли. – Сожми их в кулаке, а руку держи в кармане, с деньгами всегда надо именно так – держать в кулаке, словно саблю держишь в руке, для мужчины деньги лучше всякой сабли – любого разрежешь пополам!

Хосрову последняя фраза отца очень понравилась, он впервые по-доброму улыбнулся.

Направившись с сыном к выходу, Агарагим неожиданно остановился, почувствовав под ногами небольшое количество рассыпанного риса.

– Ах ты, сукин сын, Аббас! Чтоб тебе пусто было! – разразился гневными словами в адрес сбежавшего работника хозяин дукана. – Ничего, я подожду, когда этот бездарь придет меня умолять принять его на работу еще раз, этим рисом его и накормлю.

Не поленившись, Агарагим встал на одно колено, и до последнего зернышка собрал все рисинки.

Даже не сдув с них пыль, мужчина забросил грязный рис в общий мешок с крупой, предназначавшийся покупателям магазина. Далее Агарагим помешал рукой рис в мешке и, подмигнув сыну, сказал:

– Все, что есть в нашем дукане, должно продаться, даже наша магазинная пыль.

Часть 3

Руки, тронувшие сердце

Умиротворенный после разговора с отцом, Хосров, укачиваемый размеренным движением фаэтона, предавался приятным размышлениям: а ведь у него получается угождать родителю! Осознание того, что у него с ним хорошие отношения и отец ему доверяет в делах, успокаивало Хосрова и пробуждало в парне желание во всем походить на Агарагима.

Пребывая в светлых мыслях и крепко прижимая к груди свою любимую книгу, Хосров заметил проникнувшие в ложе фаэтона мягкие теплые весенние лучи солнца. Закрыв глаза, юноша подставил им лицо, и тут ему вспомнились руки матери, от прикосновения которых его тело покрывалось мурашками...

Продолжая нежиться в лучах солнца, будто загипнотизированный приятными воспоминаниями, Хосров на мгновение приоткрыл глаза и сквозь переломленный луч солнца его глаза выхватили выставленные из балконной двери дома, мимо которого он проезжал, две женские руки изумительной красоты и нежности. Прозрачная занавесь балкона скрывала красивый лик молодой женщины.

Хосров от удивления поднялся на ноги и, высоко задрав вверх голову, пытался лучше разглядеть лицо незнакомки.

Неожиданно фаэтонщик, выкрикнув непристойное слово, потянул поводья лошади на себя – кто-то неожиданно перебежал дорогу. От внезапного маневра парень спиной повалился на сиденье повозки.

«Где руки? Где она?» – встревоженно подумал Хосров.

Он остановил фаэтон, выскочил из него и принялся жадно рассматривать городское здание, на балконе которого Хосров видел те изумительные руки и тот неповторимый тонкий лик молодой женщины.

«Нет-нет, я не мог ошибиться, – беспокожно размышлял Хосров. – Занавесь – именно эта, точно этот балкон, надо запомнить дом» – молодой человек растерянно вращал головой в поисках чего-либо приметного, чтобы позже вернуться на эту улицу вновь. Только вот с какой целью, Хосров пока не знал...

Фаэтонщик оказался сквернословом – он отпускал крепкие словечки не только в адрес нарушителя дорожного движения, но и клиентов, даже не пытаясь соблюдать общепринятые правила приличия. Грязно накричав на Хосрова, он в грубой форме предложил продолжить движение.

При других обстоятельствах Хосров не простил бы столь дерзкой неучтивости, но мозг парня был занят поиском примечательного ориентира.

«Вот – это то, что надо... виноградник!» – возликовал в душе Хосров.

Массивная ветвистая лоза, безобразно изгибаясь, как змея из древнегреческих сказаний, тянулась вверх к балкону, где жила обладательница сказочно красивых рук.

Снова сев в повозку, Хосров обернулся назад, жадно рассматривая балкон и весь дом в целом в надежде еще раз увидеть руки незнакомки или, если повезет, уже всю целиком...

В умиротворенном состоянии он подъезжал к Бакинскому порту, и руки незнакомки стали теперь самой желанной картиной его грез.

Обремененный непростой задачей – отыскать парня по имени Логман, – Хосров вошел на территорию Бакинского порта.

Остерегаясь проезжающих мимо грузовых телег и повозок портовых носильщиков, Хосров настороженно заглядывал в лицо каждого, кто встречался ему на территории Бакинского порта. Грубые окрики носильщиков возмущали парня, и он был вынужден время от времени пинать некоторых локтями.

Выбившись из сил, Хосров нашел менее оживленное место и спрятался со своей книгой в тени одного из ветхих портовых зданий. Присев на корточки, молодой человек корил себя за то, что не расспросил отца, где и как найти парня, о котором нелестно отзывался родитель.

– Эй, гардаш! (брат. – **Прим. авт.**) Не меня ли ты ищешь?! – звонкий мужской голос вывел Хосрова из состояния беспомощности.

Перед сыном лавочника стоял невысокий молодой человек с продолговатым лицом, заостренным подбородком и быстро бегающими глазами.

– Логман? – неуверенным голосом проговорил Хосров.

– Конечно, я и есть Логман! – выкрикнул тот, при этом успевая осматривать каждого проходящего мимо него человека.

– Как узнал, что я тебя жду? – поинтересовался Хосров, внимательно рассматривая местного дельца.

– Да ты одет, как твой отец, и вдобавок этот нелепая веревка-ремешок от мучного мешка...

Насмешка портового деляги задела самолюбие Хосрова, но, сдержавшись, он ничего не ответил, лишь резко приподнялся на ноги и, вынув деньги из кармана, протянул их Логману.

– Начинай грузить, времени мало, – с беспокойством проронил сын лавочника.

– Куда торопишься, гардаш? Давай посидим, чаю попьем в прохладном месте... – Логман попытался снизить градус нарастающего конфликта с сыном такого прибыльного партнера, как Агарагим. – Важнее времени – наша жизнь, человеческие отношения, время все равно идет своим чередом, и ему до нас никого дела нет... Лучше расскажи, чем занимаешься по жизни.

Парни прошли к не запряженному фаэтону, где предприимчивый Логман соорудил временный «кабинет» для своих сомнительных дел и убежище от солнца и дождя. Отдав несколько распоряжений своим подручным грузить товары для дукана Агарагима, Логман уселся рядом с Хосровом и с ходу спросил:

– Читать любишь? – портовый деляга глазами указал на книгу Хосрова.

Тот замялся и, спрятав книгу за спину, нехотя ответил:

– Мне это нравится.

– И давно ты этим чтением занимаешься? – не унимался делец.

– С самого детства!

Логман хихикнул и протянул собеседнику стакан чая.

– Пей, утоли жажду! А когда не читаешь, тебя что-то иное интересует?

– Нет! Отцу в основном помогаю по дукану! – уверенно ответил сын лавочника, недоумевая, откуда в Логмане столько любопытства и к чему вообще эти расспросы.

– Ведь ты молод, как и я, разве чего-нибудь интересного не хочется? – Логман хитро подмигнул собеседнику.

– Может, прямо спросишь о том, что хочешь узнать? – Хосров проявил характер.

– Я про это... – Логман извлек из-под сиденья фаэтона примятую стопку фотографий и протянул Хосрову.

Смакуя горячий чай, Логман пристально наблюдал за реакцией молодого человека.

После просмотра второй фотографии Хосров резко швырнул карточки обратно владельцу. Логман растерялся, но отреагировал быстро: собрал в стопку и, спрятав под рубашку, громко рассмеялся.

– Да ты, несчастный, выходит, еще не мужчина?! Голых женщин, что ли, не видел? В твоем возрасте пора уже с живыми дело иметь!

У сына лавочника от стеснения горели щеки, и, сцепив руки, он принялся сильно хрустеть пальцами. Его встревоженный вид и частое дыхание напугали Логмана, с лица слетела издевательская улыбка. Сообразив, что с этим парнем не все так просто, деляга постарался закрыть тему непристойных фотографий.

– Да ты не пугайся, в первый раз так бывает... – принялся успокаивать ошарашенного парня Логман. – Поначалу я сам несколько ночей заснуть не мог, эти женщины снились мне, но потом все наладилось... Я знаю место, где можно...

У портового удальца не получилось договорить, Хосров почти что криком остановил Логмана:

– Мне это не интересно, слышишь?! Я хочу стать образованным, и вот то, на что ты намекаешь и что предлагаешь, меня не интересует! – после громкой тирады Хосров вынул из-за спины книгу и положил на колени, чем обозначил свои интересы в жизни.

Логман от неожиданного поведения сверстника подался назад и после паузы, с пониманием закивав головой, спросил:

– И в кого ты такой пошел, гардаш?! Хотя... твой отец еще позднее познал это дело...

Хосров нахмутив брови, пожелав разобраться, на что Логман намекает.

– Мой покойный отец, да упаси его душу Аллах, при жизни много историй знал про бакинцев, ибо всю жизнь проработал в этом порту, – почтительно кивая головой, Логман вспомнил отца. – Отец вспоминал, что Агарагим за день до прибытия парохода, на котором ему из Табриза выслали твою будущую мать – тринадцатилетнюю девочку, приехал в порт, желал лично встретить и привезти ее домой. Ей было тогда еще, как говорил, тринадцать лет. Ходят слухи, она осталась сиротой после сильного землетрясения в Иране, где под обломками дома погибла вся ее родня. Родственникам, взявшим девочку на воспитание, она была в тягость, так как самим им не на что было жить и питаться. И эти люди нашли выход: отыскав дальних родственников в Баку, решили пристроить твою будущую мать в семью твоего отца.

Портовый деляга ухмыльнулся и многозначительно повторил скрытое по смыслу и содержанию слово «пристроить».

Хосров чувствовал, что как к лицу приливает кровь, под всеми словами Логмана таилась ужасная правда о несчастной сироте, бесправной и беззащитной, правда о его матери.

– Твой отец всю ночь ходил по пристани, с нетерпением поглядывая на ночное море. Говорят, радостная улыбка не сходила с его лица... Наутро из Ирана прибыл пароход, на котором твою мать привезла в Баку ее дальняя родственница, чтобы передать твоей бабушке лично – из рук в руки. Со слов моего отца, Агарагим кружил вокруг твоей будущей матери, словно лис вокруг курятника.

Найдя удачное сравнение, Логман заметно повеселел, но, заметив негодование на лице Хосрова, схитрил – отвлекся на погрузку товаров для магазина Агарагима.

– Не бери в голову, родителям все простительно, да и кто мы такие, чтобы осуждать их? – разведя руками и придав лицу ангельское выражение, Логман уселся обратно в безлошадный фургон и продолжил «образовывать» наивного сверстника: – Вот я к тому и говорю, чтобы быть готовым к женитьбе, тебе надо постепенно заниматься этим... То есть, видеть женщин без одежды. Ты подумай, если пожелаешь, продам тебе две картинки по цене одной...

Логман пристально посмотрел в глаза Хосрова, желая увидеть в них интерес, – уж очень ему хотелось осуществить свой коммерческий замысел. Сын лавочника был не последним парнем, с кем пронира Логман проделывал подобные выкрутасы.

– Нет, не надо! – резко, словно пробудившись от кошмарного сна, ответил Хосров, покрепче обхватив свою книгу.

– Значит, ты еще не повзрослел, – с притворным вздохом Логман запихнул свое «добро» под сиденье фаэтона. – Хотя в случае большой надобности можешь обратиться к своему отцу, он у меня как-то покупал несколько штук.

Последние слова переполнили чашу терпения юноши – Хосров взорвался.

– Не смей про моего отца так говорить! – юноша схватил Логмана за ворот.

– Тише-тише, гардаш, не шуми, – тихо прошептал Логман и похлопал рукой по плечу сверстника. – Я же как лучше хочу, чтобы ты лишний раз не тратился... Ведь есть же, у кого взять...

Хосров резко скинул руку Логмана со своего плеча и заявил:

– Скажи своим парням, пусть быстрее заканчивают погрузку, надоел твой порт и ты тоже... И не смей больше говорить про моего отца гадости, все равно не поверю...

– Горхмаз бей! Рад вас видеть! – вдруг выкрикнув мужское имя, Логман резко выпрыгнул из фэтона.

К фэтону приближались два rispetабельно одетых молодых человека с кожаными чемоданами. Тот, которого Логман назвал по имени, и был одет в дорогое кавказское платье, второй же мужчина облечен в форму инженера путей сообщения или студента технического вуза.

Первым Логман протянул руку тому, кто был одет в национальную одежду и который, приветливо улыбаясь в ответ, потряс руку деляги. Второй молодой человек постарался не заметить желание Логмана поздороваться – протянутая рука осталась без внимания.

Хосров, наблюдая за сценой приветствия со стороны, от души порадовался, что проходивцу Логману показали, кто он есть и где его место. Однако поведение человека в форме показалось сыну лавочника чрезмерно высокомерным, Хосров в этой надменности уловил некие величие и исключительность. Приметная внешность мужчины в красивой форме при сверкающих на солнце погонах и золотистых пуговицах завораживала забитого парня из бакинского дукана.

Глубоко в сознании Хосрова вдруг зародилась желание быть таким же неприступным и в такой же необыкновенной форме. Неосознанно парень потянулся рукой к своему ремешку из ветоши на поясе и стыдливо покраснел.

Логман, сопровождая не знакомых Хосрову людей, заметно суетился и, выхватив у обоих их поклажу, шел рядом. Поравнявшись с фэтоном, Логман горделиво бросил надменный взгляд на сверстника. Всем своим видом портовый проходимец старался показать, что он ничем не хуже кого-либо, и он способен водить дружбу с людьми высокого положения.

Миновав фэтон, Логман тут же оказался на своем месте – позади господ; два молодых человека увлеклись разговором и забыли о существовании обходительного «приятеля».

Хосров ухмыльнулся и подумал про себя: «Вот кретин! И чего выделываешься? Место твое – холопское...»

Будучи довольным унижением Логмана, Хосров опустил на сиденье и, закрыв глаза, принялся про себя повторять суру из священного писания – таким образом он развивал память.

Неожиданно в сознание парня ворвалось ведение яркое, приятное: женские руки, залитые солнцем. Хосров востепенулся и тут же поднялся на ноги, его обуяли стыд и смятение: он повторяет божественные заповеди и одновременно думает о руках молодой женщины... Лоб покрылся испариной, ибо Хосров испугался божьей кары и разрушительного позора. Заново сел на сиденье и, обхватив голову руками, искал объяснение подобному видению. Ранее ему ничто никогда не мешало придаваться любимому занятию – проговаривать божественные изречения и считать себя лучше всех.

Желая избавиться от пагубного видения, сын лавочника опустил голову вниз, где мог видеть только днище фэтона, как вдруг его внимание привлек белый краешек бумаги, тор-

чащий из-под кожаной обивки нижней части сиденья. Хосров осторожно ухватился за край бумаги и потянул на себя.

Вытянув находку наружу и рассмотрев ее, Хосров покрылся потом еще раз. В руке он держал одну из тех непристойных фотографий голых женщин, которые предлагал ему проходимец Логман. Вероятно, после возмущенного возврата Хосровом этих снимков одно из них незаметно для владельца проскользнуло под сиденье фаэтона...

Сын лавочника не мог оторвать глаз от фотографии. Женщина на ней была не совсем голая: была лишь полностью оголена спина и нижняя часть бедер. Дама тянулась руками к усатому мужчине в гусарской форме, и эта сцена заворожила Хосрова.

Юноша покрылся мурашками, с трудом слотнул слюну. Голая спина женщины и тянувшиеся к мужчине необыкновенно нежные руки впервые пробудили в парне желание предаться мужским фантазиям...

– Шевелитесь, почему так долго возитесь! – позади фаэтона послышался голос Логмана – дельца кричал на подручных.

Хосров застыл на месте, фотография в его руке затряслась, его терзал вопрос, как поступить: спрятать снимок или вернуть владельцу. Еще раз бросив взгляд на фото, Хосров принял решение – быстрое, сложное, противоречивое... Зов плоти вытеснил все его духовные убеждения, он быстро вложил фото в книгу и сел, нацепив на лицо маску безразличия.

«Да что ты такое творишь?! – громко укорял внутренний голос Хосрова. – Как можно эту нечестивую вещь прятать в священном писании?!»

Осознав, какой греховный поступок он только что совершил, юноша почувствовал, что у него едва не остановилось сердце. Он тут же вынул непристойную фотографию из книги и задумался, куда бы ее переложить. Вскоре решение было найдено: Хосров снял тюбетейку и, поместив фотографию прямо на голову, накрыл ее головным убором.

– Ну что, подумал, будешь взрослеть? – запрыгнув обратно в фаэтон, Логман продолжил попытку навязать Хосрову свой пошлый левак.

Не придав значения словам дельца, Хосров задал встречный вопрос:

– Мой товар готов?

Нетерпимость и раздражительность Хосрова была настолько очевидна, что даже такой «толстокожий» к грубостям человек, как Логман, почти было обиделся.

– Вижу, брезгуешь моим обществом, даже поговорить по душам не хочешь, – явно затаив злобу, заявил Логман.

– Глупости какие, мне просто не до тебя... – отмахнулся сын лавочника и поднялся на ноги. – Ехать надо, отец ждет.

– Ну, катись к своему отцу, – нагрубил в ответ портовый делец. – У меня есть, с кем общаться, видел, какие люди мне руки жмут – беки?

Хосров ухмыльнулся, ибо был свидетелем безразличия тех двух господ к персоне Логмана.

– Ты думаешь, я слепой? Один из них даже не удосужился подать тебе руку, – с усмешкой парировал сын лавочника.

– Ты про того, что в форме? Плевать я на него хотел, – возмущено отмахнулся Логман. – Я его не знаю и знать не хочу, для меня важно, что меня Горхмаз бек признает. Это сын настоящего бека. И живут они в большом доме, в крепости. Богатая семья. Его отцу я сапоги справил из чистой кожи, заграничные. Уезжал как-то из порта англичанин, он ступил на промыслах в лужу нефти и не знал, как отмыть, а я возьми и скажи ему, что, мол, его обуви пришел конец – никак не отмыть, выбросить надобно. Он мне поверил и выбросил.

– И ты отмыл сапоги и загнал их честному человеку втридорога? – Хосров, насмехаясь, дополнил рассказ Логмана, восхищенного собственным проворством.

– Какой ты догадливый! – пропустив мимо ушей насмешку Хосрова, Логман продолжил: – Я даже коробку для них нашел, чтобы придать им товарный вид, и сам же отвез беку домой. Если бы ты знал, какая у него дочь! Красавица писаная... И имя у нее волшебное – Хумай... Жаль, мне происхождение не позволяет, я за такой женщиной на край света пошел бы, а за ночь с ней жизнь бы отдал... Ты же тоже в крепости живешь, – поинтересовался Логман, – должен знать эту семью, перед их домом растет высокий виноградник, до самой крыши тянется. Хозяин дома привез лозу из Шамахи и сам лично посадил.

Услышав новость Логмана, Хосров впал в ступор, однако быстро взял себя руки.

– Ты что, знаешь эту семью? – удивлено спросил Логман, заметив изменившееся лицо собеседника.

– Нет, не знаком с ней. И вообще, мне уже пора к отцу. Прикажи людям отправить меня домой.

Поведение Хосрова не удивило Логмана, в очередной раз сын лавочника его недослушал и прервал на полуслове... И он только изумленно завертел головой.

Хосров поднялся на ноги и, пребывая в растерянности, не знал, с какой стороны ему сойти с фэтона. Мысли путались, в парня вселился страх. Хосрову казалось, что девушка из его видения настолько хороша для него, что ему не хватает многого – знаний, мужской привлекательности, – чтобы иметь хоть какой-то шанс приблизиться к ней.

Подъезжая к дому, Хосров, уже вполне справившись с сильным эмоциональным потрясением, вдруг вспомнил о фотографии полуобнаженной женщины. Сорвав с головы тюбетейку и даже не взглянув на фото, он уверенно смял его в руках и швырнул на мостовую, справедливо посчитав, что грязи – место в грязи.

Часть 4

Не отводя глаз...

– Надоело! Сколько же в них отверстий?! – возмутился Исафил бей и продолжил шнуровать свои сапоги английского офицера, купленные в порту.

– Вероятно, эти вояки-англичане такую обувь надевают утром и ходят, не снимая, до самого отбоя, – вслух ворчал обозленный монотонным занятием старший Атабеков.

Исафил выпрямил спину и, обреченно посмотрев на свое обременительное приобретение, тяжело вздохнул. – Ну их... выброшу, – вновь вслух произнес бек. – Пусть слуги носят, эти сапоги меня изведут!

Хумай остановилась в проеме двери в гостиную и мило подняла брови:

– Ата (отец. – **Прим. авт.**), я помогу тебе?

– Мы же договорились, что это не женское дело, – отказавшись от услуги дочери, Исафил продолжил шнуровать обувь. – Лучше посиди рядом со мной, а то из-за дел редко вижу тебя.

Девушка, встав на колени вопреки запрету отца, выхватила из рук родителя шнурки.

– Отец, я не могу видеть, как ты мучаешься каждое утро, – Хумай проворно завела шнурок в отверстие сапога. – Позволь мне этим заниматься. И прошу, не запрещай мне это делать. Я хочу иметь возможность заботиться о тебе и маме. И еще, я хочу научиться выполнять хоть какие-нибудь обязанности...

– Дочь моя, что ты такое говоришь, – по-доброму возмутился Атабеков. – Ты у меня всегда должна ходить в беззаботных барышнях и, выйдя замуж, оставаться таковой – это прямая обязанность твоего будущего мужа.

Хумай подняла глаза на отца, очевидно, желая возразить.

– Не хочу беззаботной жизни, хочу посвятить себя интересному делу, чувствую в себе желание учиться и учить других.

– Замужество – не для этих занятий, – возразил отец, – ты – будущая жена, мать. Для каждой женщины это главное занятие в жизни.

Хумай улыбнулась и продолжила шнуровать отцовскую обувь, но на душе девушки скреблись кошки – хотелось, не согласится, спорить с дорогим ее сердцу человеком. Но подобное никогда между отцом и дочерью не присутствовало – не было ни ссор, ни обид.

Исафил бек, как любящий отец угадал мысли дочери и, погладив Хумай по голове, нежно продолжил:

– Не обижайся на отца. Я желаю тебе всего самого лучшего, твои мнение и желания важны для меня и дороги, но как быть с замужеством? Или ты не думаешь о нем?

– Думаю. Но... не тороплюсь. – Хумай смущенно опустила глаза, однако, чуть поразмыслив, так же смущаясь, добавила: – Мое сердце еще никого не видит.

– Умница моя! – восторженно произнес Исафил и нежно обхватил руками голову дочери. – Правильно думаешь, вернее – чувствуешь. Я так же твою маму выбрал: сердце подсказало. Жди и не торопись. Я тебе в этом помогу и не допущу, чтобы некто недостойный тебе сердце разбил. Ты самое ценное, что у меня есть.

Дочь прильнула к отцу и широко улыбнулась.

– Ну конечно... самое ценное в жизни! А мы, по-вашему, с сыном тут ни при чем... – на пороге гостиной, скрестив руки, стояла Солмаз ханум.

– Подслушивать нехорошо, – шутливо заметил супруг.

– Я и не собиралась. И нарушать такую нежную идиллию дочери с отцом – тоже...

Хозяйка дома прошла в гостиную и устроилась в мягком кресле.

– Ну, и что решили? До чего договорились? – игриво спросила близких Солмаз.

Хумай посмотрела на отца в ожидании, что на этот многозначительный вопрос ответит именно он.

– Это наш секрет! – решительно заявил Атабеков. – Секреты бывают не только между матерями и дочками, но и мы, отцы, имеем право на секреты, поскольку ко всему имеем отношение...

– Я не против секретов, – спокойно заявила Солмаз. – Все равно чуть позже ты сам все расскажешь, дорогой супруг.

Хумай метнулась к матери и, присев рядом, обняла ее колени.

– Нет никакого секрета... Я сказала отцу, что мое сердце никем не занято и пока никого не чувствует.

– И что на это ответил отец? – Солмаз склонилась над дочерью и так же нежно погладила дочь по голове.

– Он сказал – не торопиться. Ждать, когда подскажет сердце.

– Хорошее пожелание, – не без иронии заметила Солмаз и бросила строгий взгляд на мужа. – А как быть с возрастом, сколько ждать того, кто найдет отклик в твоём сердце?

– Недолго, мама, совсем чуть-чуть, – шепотом отозвалась Хумай. – Только налюбуюсь на звезды – и сразу выйду замуж!

Девушка схитрила: перевела тему замужества в другую сферу.

– Звезды? Опять звезды? – воскликнула Солмаз. – Хорошо придумала! Хочешь увести нас от темы и напомнить отцу об его обещании?

– Я не забыл! – громко обозначил свое присутствие Исафил бек. – Будь уверена, дочь моя, сегодня же зайду к Цемахам и поговорю о твоей вещице. Только вот незадача: как и где ты будешь наблюдать за звездами?

– Поднимусь на крышу с братом, – с трудом скрыв восторг, откликнулась Хумай. Обрадованная согласием отца, она светилась от счастья, у нее сверкали глаза.

– Нет, поднимешься на крышу со мной, мне самому интересно, что за диковина этот телескоп?

– Исафил, разве подобает добропорядочной девушке по ночам по крыше ходить? – Солмаз, нахмутив брови, строго смотрела на мужа.

– Пусть кто-нибудь в Баку посмеет заикнуться о добропорядочности моей дочери – дело будет иметь со мной и моим кинжалом! – Исафил ухватился за ремень, на котором не оказалось кинжала, но мужчина попытался изобразить его присутствие: получилось забавно.

Жена с дочерью рассмеялись.

– Дорогой, ты его давно не носишь, даже не знаешь, где сейчас твой кинжал хранится, – насмешливо покачивая головой, заметила Солмаз.

– Ты права, и зачем он мне на промыслах? Хотя порою так нуждаюсь в нем, особенно, когда приходится разбираться с работниками, поставщиками и прочей братвой. Кстати, что слышно от Горхмаза: гостей, когда ждать?

Солмаз еле заметно кивнула головой мужу, поняв, о каком госте идет речь.

О том же госте догадалась и Хумай и, не подавая виду, вновь принялась шнуровать сапоги отца. Незримый гость не покидал сознание девушки с того дня, когда она впервые услышала о затее родителей познакомить ее с молодым человеком. Интерес к образу юноши, получившему блестящее образование в большом европейском городе, рождал мысли о долгих увлекательных встречах и беседах, но не более...

– Ну, все готово! – гордо объявила девушка, завязав твердые узлы на одном и другом сапогах отца.

– Спасибо, дочь! – Исрафил бек, возрадовавшись, поднял руки вверх, а после полез зачем-то в карман. – Вот тебе за это пять императорских рублей, купи себе, чего пожелаешь!

Дочь, выхватив купюру из рук отца, радостно закружилась в танце.

– Если так будет каждый раз, дорогой супруг, ты разоришься, – любясь изящными танцевальными па дочери, обратилась Солмаз к мужу.

– Готов хоть каждый раз так радовать ее. Ради кого живем – ради них, детей, – Исрафил бек поддержал танец дочери, похлопывая в такт ладонями.

– Как с деньгами поступишь? Куда отправишься? – спросила Солмаз, желая узнать планы дочери.

– В книжный магазин, – крепко сжимая в руках деньги, восторженно объявила Хумай. – Хочу купить книгу по астрономии.

– Bravo! Сразу видно – моя дочь, знания – прежде всего! – Исрафил бек посмотрел на жену с гордым видом.

Солмаз, улыбаясь, кивнула головой. Согласие на поход в книжный магазин было получено.

Юная особа, расцеловав родителей, подбежала к балконной двери и резко оглянулась на мать:

– Я только посмотрю, как одеться. Можно?

– Можно, только покрой голову платком, – наказала мать, остерегаясь взглядов завистливых и болтливых горожан.

Накрыв голову традиционным тончайшим платком, Хумай настороженно ступила на балкон.

Морской ветерок трепал ее каштановые кудри, выбившиеся из-под платка, яркое солнце принуждало щурить глаза, но эти обстоятельства не препятствовали ее желанию любоваться городом и морем. От мысли, что она на балконе, на виду у всех, Хумай чувствовала себя неловко, но при всем этом оставалась грациозной и могла сама стать объектом восхищения.

Хосров проснулся рано, но еще раньше проснулся Агарагим, а до него – хозяйка дома Парвана. Родители разошлись по разным делам: кто – открывать лавку, кто – готовить еду на утро.

Хосров разглядывал себя в зеркале. Так долго он никогда не задерживался перед зеркалом. Внешность – последнее, что его интересовало.

Это заметила мать и приятно удивилась:

– Надень новую рубашку, – предложила сыну Парвана. Мать заботливо протянула свежестыранную одежду. – Старайся, почаще менять рубашки. И еще тебе надо подстричься, будешь выглядеть аккуратно. – при этом Парвана нежно коснулась волос сына.

Хосров перехватил ее руку, не желая чувствовать прикосновения родного человека.

– У тебя исчезли синяки, – задержав руку матери, Хосров поднес ее к щеке.

Парвана попыталась вновь погладить сына по голове.

– Не надо, мама, я этого не люблю, – сказал, как отрезал, Хосров.

– Сам же любишь быть нежным, – заметила Парвана, умиленно улыбаясь.

– Не знаю... Не хочу... Не нравится... И я – больше не ребенок! – Хосров осекся. – Я рад, что руки зажили. Ты просто слушайся отца и не перечь ему.

– Сынок, я тоже человек и, как все люди, на все имею свое мнение, – возразила Парвана и протянула сыну гребешок.

– Нет, не требуется, и так сойдет!

– Тогда зачем тебе новая рубашка, раз тебе безразлично, как волосы лежат?

Поразмыслив, парень выхватил у матери гребень и развернулся к зеркалу.

Наспех пригладив волосы, Хосров огляделся и, заметив, что мать занята домашними делами, извлек из-под ковра некий предмет и тут же спрятал в карман.

– Что прячешь? – заметив его действия, спросила мать.

– Да так... Просто вещь...

– Покажи! Не прячь от матери, я все твои вещи знаю, – настойчиво потребовала Парвана.

Сын виновато полез в карман и извлек тонкий кожаный ремень.

– Хороший мужской ремень, – оценила женщина. – И выброси этот постыдный шнурок, которым ты подпоясан! Дай мне, сама выброшу!

Хосров протянул матери веревочный поясик и тут же забыл про него, с радостью примеряя настоящий, кожаный.

Парвана смотрела на сына и радовалась внезапным изменениям в его сознании. И еще ей было по душе, что навязанные ему отцом представления о жизни переосмысливаются и отмирают.

– Куда так прихорашиваешься? – не без любопытства спросила Парвана.

– У меня занятия в медресе (религиозная школа. – **Прим. авт.**).

– Разве по субботам ты учишься? – усомнилась мать, загадочно улыбнувшись.

– Сегодня у нас встреча с паломниками из Мекки.

– Это будет хорошая встреча, раз ты так туда стремишься.

Прибрав шнурок от мешка в карман, Парвана вышла из комнаты.

Хосров бросил настороженный взгляд вслед матери. В душе корил себя, что не до конца был честен – ни перед матерью, ни перед Богом. Девушка из его ведения не давала ему покоя, и именно она стала причиной изменений его привычного распорядка жизни. Мысли юноши были заняты только ею. Он осознавал, что его новое увлечение сильнее прежнего.

– Куда собрался? – спросил Агарагим сына.

Хосров стоял перед отцом, вытянувшись стрункой. Закусив губу, парень обдумывал ответ. Его терзало сожаление, что не ушел незамеченным.

– Еще раз задам вопрос: куда?

Но Агарагиму не дали досказать.

– В медресе он уходит, – послышался хладнокровный голос Парваны.

Женщина незаметно прошла в дукан и стала свидетелем жесткого допроса ее сына.

Агарагим медленно развернулся в сторону жены и недовольно сморщил лицо.

– Смотрю, у тебя голос прорезался? – злобно затянул лавочник. – Молчи, когда мужчины говорят! Или показать тебе, кто тут чего стоит?

На слове «показать» Хосров строго поднял глаза на отца, тот это заметил.

– Что? – в очередной раз протяжно произнес хозяин дукана. – Смотрю, ты осмелел, или тебе эту безродную нищенку жалко?

Хосров не ответил, но и глаз от лица отца не отвел. Подобное поведение парня проявилось впервые, и это был вызов, почти протест.

Парвана неотрывно наблюдала за общением отца с сыном и понимала, что в сознании ее чада что-то изменилось, и притом – в лучшую сторону. Женщина была готова защищать это лучшее, если лавочник решит здесь и сейчас перейти черту.

Вдруг, Агарагим резко посмотрел на жену и понял, что женщина, как никогда, полна уверенности в себе и ничего не боится, так же, как их сын. Лавочник взял паузу и решил временно отступить, чтобы разобраться, в чем дело.

– Хорошо! На сегодня я тебя отпускаю, можешь бежать к своим святошам, – Агарагим был полон пренебрежения и сарказма. – Завтра поедешь в порт к Логману, надо товар привезти. Все! – лавочник пренебрежительно махнул рукой в сторону выхода и развернулся лицом к жене.

Хосров, оглядываясь на отца с матерью, поплелся к выходу, но сердце его было не на месте – он беспокоился за мать.

– Уходи! А то передумаю, – сидя спиной, выкрикнул лавочник, адресуя угрозы сыну.

Беспокойство Хосрова за мать слегка утихло, когда в дуكان зашли первые посетители. И он не ошибся. Завидев клиентов, хозяин дукана вскочил с места, забыв о желании наказать непокорную жену.

Распрощавшись с клиентами, Агарагим вернулся за прилавок – спрятать деньги. Положив их в укромное место и распрямив спину, лавочник в недоумении застыл на месте: на прилавке лежал... аккуратно сложенная веревка от мучного мешка.

Почесав голову, Агарагим взял вещь в руки и, внимательно осмотрев еще раз, направился в торговый зал. Дойдя до мешка с мукой, остановился и после недолгого раздумья сунул веревку себе в карман.

Хосров шел по улице крадучись, постоянно осматривался. Казалось, он пытается что-то вспомнить и не заблудиться. Баку он знал неплохо, но сегодня волновался, вел себя словно приезжий в чужом городе.

«Виноградник, виноградник», – как завороченный, бубнил он себе под нос.

Через какое-то время, изрядно вспотев, остановился и снял тубетейку.

«Почему я такой глупый, в двух соснах запутался? Почему найти не могу?» – Хосров корил себя и был близок к мысли вернуться домой.

И тут знакомый звук привлек внимание молодого человека. Он поднял голову. Над его головой мягко шелестели виноградные листья, а чуть выше нависал балкон из белого камня.

Хосров опустил голову и широко улыбнулся. По телу пробежала мелкая дрожь – страх растерянности отступал, и он еще раз поднял голову, чтоб убедиться, что нашел то самое место и не ошибся.

Вдруг его ослепили яркие лучи солнца. Парень прикрыл глаза и, когда открыл их заново, увидел на озаренном солнцем балконе молодую девушку, скрывающую свой лик тончайшим, почти прозрачным платком. Солнце продолжало бить в глаза, но Хосров не замечал этого, он продолжал неотрывно в восхищении смотреть на незнакомку.

...Хумай вернулась обратно в гостиную и закрыла балконную дверь.

– Можно, я пойду? Стоит чудная погода! – радостно спросила родителей девушка.

– Конечно, иди. Я приставлю к тебе охрану, – беспокоился Атабеков-старший.

– Отец, можно без этого... Я ведь только в книжный магазин – и обратно.

– Пусть идет одна, нам работники понадобятся дома, – вмешалась Солмаз, бросив на мужа полный нежности взгляд. – Нужно провести дома некоторые приготовления. Я все же полагаю, что нас сегодня посетят гости.

Хосров ходил вдоль улицы и то и дело поднимал глаза вверх, к балкону, в надежде на повторное явление там ангела в женском облике – причину его новых грез. Парень был крайне доволен собой, ибо ему удалось найти, дожидаться и увидеть ту, о которой думал все эти

дни. Пребывая в состоянии сильной эйфории, ему было все равно, сколько времени придется провести рядом с ее домом, чтобы еще хотя бы раз увидеть девушку.

Яркое солнце напомнило о себе. Хосров, почувствовав некоторый дискомфорт, решил поискать прохладное место. Перейдя улицу, он устремился в тень виноградника.

Хумай, распровавшись у входной двери с прислугой, вышла на улицу. Хорошая погода вызвала на ее лице милую улыбку. Легкая шляпка, декорированная мелкими цветками сирени, была в тон ее изящному приталенному плащу сиреневого же цвета. Руки, покрытые тончайшими перчатками, тоже были сиреневыми. Легкие сапожки из тонкой кожи облегли ее стройные ноги и делали походку особенно грациозной.

Хосров не успел перейти улицу, застряв на ее середине. Сердце учащенно забилося. Не отводя глаз от девушки с балкона, парень вдруг понял, что безнадежно влюбился в нее.

Истошный окрик фаэтонщика вернул Хосрова в реальность. Завороженный незнакомкой, молодой человек даже не заметил, что стал причиной дорожного затора.

Окрик обозленного фаэтонщика стал объектом всеобщего внимания прохожих и торгового люда. И Хумай не стала исключением, так же обратив взор на стоящего посреди улицы нескладного молодого человека.

Быстро сдернув перчатки, Хумай ринулась на проезжую часть и, ухватив Хосрова за руку, вывела из опасной зоны.

Хосров был в полной растерянности, не верил, что такое возможно, и, пока она тащила его к тротуару, неотрывно рассматривал черты лица своей спасительницы. От прикосновения ее руки по телу пробежала легкая дрожь. И последнее, что он успел рассмотреть, – была именно рука этой юной особы.

– С вами все в порядке? – услышал он как бы издали нежный женский голосок.

Хосров, который был в полуобморочном состоянии, и видел, и слышал все будто в тумане, не смог вымолвить ни слова. Он хлопал глазами, испытывая чувство стыда и неловкости. А желая привести в порядок свою одежду, в первую очередь ухватился за свой кожаный ремень.

Заметив старания Хосрова, девушка поправила ворот его рубашки, от чего он вздрогнул.

– Поблагодари барышню, невежда! – кто-то из прохожих сделал Хосрову замечание.

Юноша безмолвствовал и продолжал нервно мять руками свой новый ремешок.

– Не стоит, пустяки... Я рада, что он в порядке, – вежливо заметила Хумай и, улыбаясь, отошла от Хосрова.

Молодой человек смотрел вслед удаляющейся Хумай и понимал, что никогда не видел прежде таких прекрасных женщин, не знал, какими красивыми могут быть женские лица и изящными их тела.

Хосров бесцельно шел по улице, злясь на себя, затем резко ускорил шаг. Его раздражало то обстоятельство, что он проявил нерешительность и не заговорил с красивой девушкой, а теперь, должно быть, она его не запомнила и скоро забудет.

Последняя мысль заставила его остановиться...

Часть 5

Ханская комната в ханском дворце

Положив ногу на ногу, в богатом персидском халате, с кальяном в руках, Мамедхан восседал на венецианском диване-троне, стоящем на большом персидском ковре, в просторной комнате, обставленной венецианской же мебелью с яркой обивкой. Глаза отпрыска ханского рода задумчиво скользили по стенам, на которых висели картины неизвестных европейских художников.

Запылившие вследствие небрежного ухода средневековые кольчуги, щиты и сабли говорили о принадлежности рода Мамедхана к военачальникам ханского войска.

Дым от кальяна частично заполнил комнату, поднимаясь вверх, к потолку, и почти скрывал голову хана. Упитанного мужчину с детским лицом и длинными черными усами называли по-разному: друзья – Мамедханом, прислуга и те, кто хотели угодить, – просто ханом.

Тяжело вздохнув, Мамедхан, закашляв, потянулся за недопитой чашкой кофе и, найдя его холодным, стал шарить рукой по столику перед диваном в поисках колокольчика, пожелав вызвать прислугу. Не найдя его, хан истошно закричал.

Никто не отозвался.

– Подлые людишки! – выругался мужчина. – Совсем не уважают, сволочи! Вот не заплачу, будете знать, как бездельничать!

В дверь постучались.

– Входите! Где вас носит? – Мамедхан решительно приподнялся, намереваясь отчитать прислугу.

– А, это ты... Входи, присаживайся.

Увидев на пороге приказчика – пожилого мужчину, хан плюхнулся обратно на мягкий диван.

– Ты мне ответь, где прохлаждаются эти проходимцы работники? Зову уже как час, а в ответ – тишина...

Приказчик в нерешительности помялся и, собравшись с духом, ответил:

– Хан! Я им вот уже месяц как не плачу. Вчера ушел последний – садовник...

– Ты шутишь? Тогда кто утром мне кофе подал? – изумленно спросил хан.

Приказчик ухмыльнулся и тихо ответил:

– Это был я...

Мамедхан нервно потер обе щеки и, задумавшись, спросил:

– И давно мы так живем? Неужели все так плохо?

– Хан! Я вашему отцу в Петербург давно пишу о финансовых трудностях.

– Я не в курсе – ни сном ни духом не ведаю о делах отца, – Мамедхан замотал головой. – Ты же знаешь, всеми делами занимался отец, царствие ему небесное...

– Теперь знайте: все... Да неважно... – смело заметил приказчик. – Мы продали все прибрежные участки!

– Как? А что с нашим домом на набережной? Надеюсь, здание осталось за нами?

Приказчик выдал чуть слышно:

– И здание ушло...

Мамедхан поднялся на ноги и застыл, словно памятник.

– Хан, и это еще не все... – пожилой мужчина со страху стал как будто меньше ростом и уже в печах. – И этот дом отойдет, если за пару недель не внесем деньги по закладным.

Хан от полученной вести схватился за сердце и практически рухнул на свой венецианский диван.

В комнате воцарилось молчание. Мамедхан держал паузу, пытаясь «переварить» новость. Потом медленно подался вперед и, закрыв руками лицо, спросил у приказчика:

– Так сколько надо денег?

– Две тысячи золотыми рублями, – ответил приказчик.

Хан откинулся к спинке дивана и обреченно ответил:

– Я нищий и вдобавок бездомный...

В следующее мгновение Мамедхан вскочил с места и нервно заходил по комнате.

– Придумал! – вскрикнул мужчина. – Мы продадим всю мебель! Это же венецианская... самая дорогая.

Приказчик, прежде чем ответить, нервно потер виски.

– Мебели нет, вся оставшаяся мебель дома – в этой комнате.

– А ковры – наши, персидские – где они?

Мамедхан набросился на приказчика с кулаками. Пожилой мужчина со страху прикрывлся руками.

– Ковры скупил армяне-перекупщики, – голос пожилого приказчика задрожал.

– Ты им продал наши ковры?! Ужас! Эти же все за бесценок скупают!

– Что оставалось делать? – оправдывался приказчик. – Ваш отец меня постоянно торопил: мол, шли денег – дела плохи.

Мамедхан вернулся к дивану и медленно присел.

– Ну, батюшка, спасибо тебе, удружил – так удружил: оставил кучу долгов и отправился в мир иной, упокой Аллах твою душу...

Желание хана пооткровенничать смело подхватил приказчик.

– Хан! Осмелюсь спросить: где в Петербурге можно потратить столько денег? Ведь ваш покойный отец был таким серьезным, бережливым человеком.

– Чушь какая... Кто тебе такое сказал? – «взорвалась» ханская особа. – Папашка мой был транжирой и азартным человеком. Все состояние в карты просадил. Оставил семью с голым задом. А про то, где потратить деньги... – хан мечтательно откинулся назад и продолжил: – Э-эх, дружище, ты не знаешь Петербург, в нем есть места похлеще всякого Парижа!

Пожилой приказчик недоверчиво пожал плечами и неуверенным голосом спросил:

– Хозяин, не решаюсь вас просить. Но мне бы денег немного на собственные нужды получить...

Мамедхан усмехнулся и, вывернув карманы халата, развел руками.

– Нет, нет у меня денег, ты-то это лучше всех должен понимать. Хотя... – хан осмотрелся в комнате. – Забирай одну из этих картин, продай, вот тебе и деньги. Картины дорогие, написаны лучшими венецианскими художниками.

Пожилой человек обреченно закивал головой, при этом ни разу не взглянув в сторону предлагаемых «творений».

В дверь парадного входа большого дома постучали.

Приказчик подбежал к окну, чтобы понять, кто это.

– Хан! К вам Горхмаз бек пришел.

Мамедхан схватился за голову.

– Ах да, я же с ним на сегодня договорился. Веди его сюда, другие комнаты закрой, не показывай. Если что спросит – скажи, ремонт идет. И вот что еще: завари нам свежий кофе.

– Нет кофе, хозяин. Утром последний заварил.

– А что есть? – раздраженно спросил хан.

Приказчик пожал плечами.

Отпрыск «воинственного» рода заметался по комнате.

– Где-то должна быть начатая бутылка шампанского. Слава всевышнему, нашел, – Мамедхан заглянул в бутылку. – Как раз на два бокала хватит. Ну, все, дружище, веди его сюда, – хан по-дружески похлопал верного работника по плечу и выдворил за дверь.

– О Горхмаз, брат мой! Как рад тебя видеть! – раскрыв объятия, Мамедхан ринулся к двери.

Обнявшись, друзья прошли в комнату. Усадив гостя на свое место, Мамедхан устроился на стуле напротив.

– Мне как-то неловко... Ты – на стуле, я... – недосказав, Горхмаз привстал, пытаясь поменяться местами. – Ты же постарше меня будешь...

– Сиди, друг, на диване! Дай тобою налюбоваться, – жестом руки хан остановил юного друга. – Таких бы в Петербург побольше – красивых мужественных земляков, было бы кем гордиться! А то одни эти новоявленные местные богатеи. Прут в столицу, норовят взятками проблемы решить. Многие толком русского языка не знают.

– Хан, о ком это ты? – настороженно спросил Горхмаз.

– Неважно! – отмахнулся Мамедхан. – Другое дело – ты. Вот порешаю дела в Баку, вернусь в столицу, буду тебя продвигать как новое поколение национальной аристократии.

Горхмаз, засмушавшись, сморщил лицо.

– Напрасно ты так реагируешь, – не согласился ханский отпрыск и категорично замотал головой. – Ты полагаешь, что я в Петербурге ни на что не способен? Ошибаешься и даже обижаешь. У меня много весомых знакомых, и даже кое-кто из них имеет отношение ко двору императора...

После последних слов Горхмаз сбросил с лица улыбку и выпрямился.

Заметив серьезный вид юного друга, Мамедхан вошел в раж.

– Ты думаешь, в Петербурге жить легко? Чтобы быть успешным, знакомства нужные приходится искать. Там без денег ничего просто так не решается. Всем деньги нужны, но не у всех принимают...

Мамедхан пальцем повел вокруг своего упитанного лица. – Лицом надо выйти – происхождение иметь. А то эти... наши... – хан пренебрежительно махнул рукой в сторону улицы.

– Будет тебе, хан. Все мы разные, никто не виноват, что лицом не вышел, – Горхмаз постарался сменить тему, и ему это удалось. – Лучше расскажи, как родители поживают? Что от них слышно?

– Все у них прекрасно, в Лозанне отдыхают. Отец хотел вернуться, посетить наши дома на побережье, как-никак – родовые поместья. Но прихворнул, решили приехать попозже – так будет лучше.

– Дай бог им здоровья, нашим старшим, – почтительно заметил Горхмаз.

И Мамедхан без зазрения совести повторил за Атабековым-младшим:

– Дай бог им долгих лет жизни.

– Хан! Почему в доме так тихо, даже прислуги не заметно, – удивившись тишине, спросил молодой Атабеков.

– Да я тут ремонт затеял к приезду родителей, потому-то прислугу и отпустил – на время, – слукавил ханский отпрыск и, не моргнув глазом, продолжил врать: – Вот, думаю, под старость перебраться в Баку и окончательно обосноваться на земле предков. Хотя воздух тут паршивый – не то что в Лозанне...

– Ну что ж теперь, мы дышим – и ничего, не умираем! – Горхмаз в очередной раз деликатно смягчил невежество хана, в чем последнему уже отказало чувство меры.

– Хан! Какие у тебя на сегодня планы? – спросил Горхмаз, но, заметив, что Мамедхан его не слушает, с интересом рассматривая ковер под ногами, переспросил: – Мамедхан! Родители тебя сегодня приглашают на обед. Как ты на это смотришь?

– Прекрасно! Давно хочу познакомиться с ними, – встрепенулся от радости хан, торопливо перебирая в голове варианты продажи персидского ковра. – Но мне необходимо время. Знаешь, надо привести себя в порядок: навести марафет, дать поручение слуге выгладить форму.

– Да, конечно, не торопись, мы придем за тобой экипаж.

Пожав хану руку, Горхмаз направился к двери.

– Вот еще что, друг! – окликнул Мамедхан Горхмаза. – Ты мне можешь порекомендовать дельного человека – надо мебель старую распродать, место для новой освободить.

– Конечно! Есть у меня на примете человек, Логманом зовут. Да ты его видел в порту – он нам чемоданы помог поднести.

Мамедхан сморщил лицо и замотал головой.

– Да тут каждого и не упомнишь, притом в каком-то порту...

Атабеков-младший в очередной раз снисходительно улыбнулся, попытался не заметить снобизма ханского отпрыска.

– Переговорю с парнем и пришлю, сами договоритесь.

– Спасибо, друг! Жду не дожусь познакомиться с твоими родителями, – взяв за плечи Атабекова-младшего, Мамедхан широко улыбался.

– Не помню, я говорил тебе или нет... У меня есть сестра, она также желает с тобой познакомиться. Любительница поговорить о науке, всяких заморских странах...

Упомянув о сестре, Горхмаз постарался выглядеть достойно – не выказать ни словом, ни жестом особого рвения познакомиться друга со своей сестрой.

– Непременно познакомлюсь. Уверен: она достойна имени своего благородного рода.

Проводив Атабекова до парадного выхода, хан отправился осматривать пустые комнаты отцовского дома. Переходя от одной к другой, Мамедхан каждый раз тяжело вздыхал, предчувствуя скорую утрату родового гнезда.

Хосров торопился обратно – туда, где последний раз видел девушку в сиреневом плаще. Подойдя к месту встречи, парень пристально посмотрел вперед, стараясь охватить взглядом улицу как можно дальше и шире. Девушки нигде не было, и это приводило его в смятение.

Он ускорил шаг, затем побежал, то и дело сталкиваясь с прохожими. Дыхание сбилось, в боку закололо... Хосров остановился, чтобы отдышаться, продолжая, насколько позволял его рост и слепящее глаза солнце, всматриваться вдаль.

Парню повезло: в конце улицы яркие лучи осветили знакомый женский силуэт. Солнце всегда предвещало ее появление... Позабыв об усталости, Хосров из последних сил ринулся вперед. Однако, добежав до конца улицы, он снова потерял из виду прекрасную незнакомку...

Осмотревшись, Хосров вдруг увидел большой магазин с вывеской на незнакомом языке. Как ни странно, он тут же почувствовал облегчение, ибо был уверен, что та девушка, за которой он бежал, направлялась именно к этому магазину.

Хосров с опаской подошел к витрине, но зайти внутрь помещения не решился. Прижавшись лицом к стеклу, попытался найти знакомый силуэт...

Посетители магазина были одеты в такие же красивые одежды, что и девушка в сиреневом. Однако чаще других среди посетителей ему на глаза попадались мужчины в форменных кителях – и это сразу же выдавало в них «технарей». Хосров был уверен, что именно такие молодые мужчины могут заинтересовать девушку его мечты.

Сам он, разумеется, был одет далеко не подобающим образом, и неуверенность в своем внешнем виде сдерживала Хосрова в желании войти в магазин.

Впрочем, когда он ранее попадал в подобные обстоятельства, каждый раз начиная мысленно винить себя за недостатки, злиться, то... неожиданно принимал непоколебимое решение действовать. Так и тут.

Хосров решительно подтянул ремень и вошел в магазин. Заведение оказалось книжным магазином, у стен которого стояли стеллажи с множеством книг в роскошных переплетах. Юноша страстно любил книги и потому тут же стал жадно рассматривать необычный интерьер. И вдруг он увидел ее...

Незнакомка стояла у прилавка, рассматривая какую-то книгу. Продавец что-то говорил ей на иностранном языке – очень певучем, изящном, звучащем, словно волшебная мелодия. Она отвечала...

На лице молодого человека появилась довольная улыбка, он испытывал чувство гордости за девушку в красивом платье, умеющую говорить на таком мелодичном языке. Ведь это она, и только она, теперь безоговорочно владела его сердцем! Безумное желание обладать ею вызвало у парня крамольную мысль завладеть незнакомкой... С этого момента Хосров только и думал о том, что кто-то может причинить ей зло, и перебирал в уме варианты, как защитить его «собственность», которую он уже считал неприкасаемой.

Продавец подвел девушку к отдельно стоящей витрине и извлек из-под стекла тяжелую книгу в толстом переплете.

Расстояние не позволяло Хосрову рассмотреть, что это была за книга. Единственное, что он понял, – фолиант был большой и с красивыми иллюстрациями.

Из-за страха нечаянно нанести вред книге юная особа с особой осторожностью перелистывала страницы. И то, как она это делала, приводило Хосрова в крайнее изумление. Он наслаждался движениями ее прекрасных рук...

Книга была слишком тяжелой для юной хрупкой особы, и хозяин книжного магазина любезно предоставил в помощь девушке молодого человека приятной наружности.

Расплатившись, незнакомка в знак признательности одарила работников книжного магазина чарующей улыбкой и вместе с помощником, который нес ее книгу, вышла на улицу.

Выждав немного, Хосров направился следом. Стараясь не потерять парочку из виду, он неотрывно следил за общением девушки с парнем из магазина. И порой ему казалось, что тот как-то уж слишком жадно разглядывает девушку и особенно – ее руки...

В Хосрове вдруг вспыхнуло жестокое пламя ревности – дыхание сбилось, к лицу прилила кровь... Полон решимости, юноша ускорил шаг...

Часть 6

Правила деспота

Выпроводив клиента из магазина, Агарагим тут же снял с лица наигранную улыбку и, сплюнув вслед покупателю, вслух проговорил:

– Целый час кружил по дукану, а купил на копейки... Чтоб поперек горла встала тебе эта еда!

Мужчина, ворча, поплелся к прилавку. Тяжело вздохнув, сел на стул. Но, почувствовав в кармане нечто постороннее, Агарагим снова поднялся и полез в карман.

– Ах да, этот злосчастный ремешок от мешка... – подумал про себя мужчина, но тут же вспомнил, что до конца не разобрался, откуда сие взялось на его прилавке. Поднес ремешок ближе глазам, опять внимательно рассмотрел его и тут же схватился за свой – на поясе. Повертев ремешок в руках, лавочник резко встряхнул веревку, вероятно, ожидая, что от нее полетит мучная пыль.

Убедившись, что ремешок абсолютно чист и даже кем-то отстиран, мужчину осенила некая догадка, и Агарагим ринулся в жилую часть своего дома.

Быстро шаркая ногами, лавочник кричал на ходу:

– Женщина! Покажись! Где тебя, черт побери, носит!

– Я здесь, – выйдя из комнаты сына, растерянно ответила Парвана.

Агарагим тут же схватил жену за волосы и потащил безмолвную женщину в торговый зал. Парвана не заплакала и даже не закричала. Дойдя до прилавка, Агарагим собрался было повалить жену на пол, но Парвана резким движением руки оттолкнула мужа в сторону.

Получив неожиданный отпор, мужчина завалился всем телом на стоящие рядом мешки с углем.

Отряхнувшись, обозленный лавочник нервно улыбнулся и задал вопрос:

– Откуда взялся на прилавке этот ремешок от мешка? – и он поднес к лицу Парваны руку, в которой была зажата эта злополучная веревка.

На лице женщины не дрогнул ни один мускул. Но она уже горько жалела о том, что поддалась сиюминутному желанию доказать мужу, что она тоже вправе влиять на сына. Парвана позабыла, что в этом доме правила диктует ее муж – деспот по натуре.

– Не знаю, ты здесь работаешь, тебе лучше знать, – пригладив растрепанные волосы, гордо ответила Парвана.

– Чей он? – растягивая слова, злобно спросил лавочник.

– Здесь все твое, спроси у себя, – не опуская глаз, ответила Парвана.

– Не прикидывайся, что не знаешь, откуда он взялся! Это ты его принесла, и ты же подкинула... – после каждого слова Агарагим делал шаг вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.